ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сказка
со вкусом шампанского,
ледяного и чувственного.
Превосходный букет!

Point de vue

АМЕЛИ НОТОМБ

Синяя Борода

Синяя Борода
Амели Нотомб

Аннотация
Амели Нотомб. СИНЯЯ БОРОДА

Аннотация

Сатурнина, молодая преподавательница искусствоведения, наткнувшись на объявление о сдаче внаем жилья, приходит по указанному адресу и обнаруживает, что попала в настоящую сказку: старый дом расположен в самом центре Парижа, комната огромная, мебель роскошная, а платить за все это великолепие придется сущие гроши. Однако о хозяине дома ходят жутковатые слухи, поговаривают, будто все его прежние квартиросъемщицы исчезли неведомо куда. Но Сатурнину мрачная репутация хозяина скорее интригует, чем пугает. Впрочем, девушки нередко отличаются излишним легкомыслием…

Амели Нотомб
СИНЯЯ БОРОДА

Когда Сатурнина явилась в назначенное место, она удивилась — столько там было народу. Конечно, она догадывалась, что будет не единственной претенденткой, однако попасть в очередь из пятнадцати человек никак не ожидала.

«Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, — подумалось ей. — Никогда мне не получить эту комнату». Но поскольку она отпросилась на полдня, то решила все же подождать. Да и место, поистине шикарное, к этому располагало. Она впервые попала в особняк в VII округе Парижа и диву давалась, глядя на окружающую роскошь, на высокие потолки и спокойное великолепие того, что было всего лишь прихожей.

В объявлении говорилось: «Комната 40 кв. м с ванной, свободный доступ в большую оборудованную кухню» за ежемесячную плату 500 евро. Должно быть, какая-то ошибка. В поисках жилья в Париже Сатурнина успела побывать в убогих клетушках в 25 квадратных метров без ванной, за 1000 евро в месяц, на которые находились жела-

ющие. Какой же подвох кроется в этом чудесном предложении?

Затем она оглядела кандидатов и обнаружила, что это сплошь кандидатки. «Любопытно, — подумала она, — не знала, что снимать комнаты — феномен чисто женский». Все женщины явно очень нервничали, и Сатурнина их понимала: она и сама жаждала заполучить эту комнату. Увы, с какой стати выберут ее, а не вот эту даму такого респектабельного вида или вон ту бизнесвумен с безупречной укладкой?

Соседка по очереди, наблюдавшая за ней, ответила на ее вопрос:

— Вот вам она и достанется.

— Простите?

— Вы здесь самая молодая и самая хорошенькая. Вам и достанется квартира.

Сатурнина нахмурилась.

— Это выражение вам не идет, — продолжала незнакомка. — Когда зайдете в кабинет, расслабьтесь.

— Оставьте меня в покое.

— Не сердитесь. Разве вы не в курсе репутации хозяина дома?

— Нет.

Женщина замолчала с таинственным видом,

надеясь, что Сатурнина попросит объяснений. Сатурнина же просто ждала, зная, что та все расскажет так или иначе. Долго ждать не пришлось:

— Мы с вами здесь не первые. Восемь женщин до нас уже снимали эту комнату. Все они исчезли.

— Может быть, комната им не понравилась.

— Вы не поняли. У них не было возможности высказаться на этот счет: о них больше никто никогда не слышал.

— Умерли?

— Нет. Смерть — не исчезновение.

Женщина, казалось, была довольна произведенным впечатлением.

— Зачем же тогда вы пришли? — спросила Сатурнина. — Вы тоже хотите исчезнуть?

— Риск невелик — меня вряд ли выберут. Но это для меня единственная возможность познакомиться с хозяином дома.

Сатурнина не стала задавать вопрос, которого от нее ждали; эта сплетница ее раздражала. А та знай тараторила:

— Дон Элемирио из дома никогда не выходит. Никто не видел даже его фотографии или портрета. Я хочу знать, как он выглядит. Столько

женщин потеряли голову от этого человека.

Тут Сатурнине захотелось сбежать. Соблазнителей она на дух не выносила. Увы, у нее не было больше сил искать себе жилье. От одной мысли, что придется вернуться вечером в Марн-ла-Валле к подруге Коринне, ее тошнило. Коринна работала в «Евро-Диснейленде» и была счастлива делить свою двухкомнатную квартирку с молодой бельгийкой, не подозревая, что та едва не задыхалась, ложась на ее диван, пропахший табачным дымом.

— В объявлении оговорен пол? — спросила Сатурнина. — Здесь только женщины.

— Ничего в объявлении не оговорено. Все и так в курсе, кроме вас. Вы иностранка?

Молодой женщине не хотелось говорить правду. Ее уже достала неизменная реакция («О! У меня есть друг-бельгиец, он…»): она не была ничьим другом, она была бельгийкой и не желала дружить с этой особой. Она ответила:

— Я казачка.

— Что, простите?

— Я из Казахстана. Знаете, казаки — самые свирепые в мире воины. Мы убиваем, когда нам делается скучно.

Больше женщина не раскрыла рта.

У Сатурнины было время подумать. Чего, собственно, ей бояться? Она не из тех, кто влюбляется, и уж тем более в дамского угодника. История с исчезновениями показалась ей довольно мутной. Впрочем, все равно исчезнуть не так страшно, как вернуться в Марн-ла-Валле.

Она посмотрела на пятнадцать кандидаток. Ясно как день, что ни одной из них не нужна эта квартира: то были женщины из богатых кварталов, которых лишь любопытство влекло к этому типу с испанской, да к тому же знатной, фамилией. Последняя деталь вывела Сатурнину из себя: ей претила тяга французов к аристократии.

«Успокойся, — сказала она себе. — Выбрось из головы эти дурацкие сплетни. Ты здесь ради квартиры — все, точка».

Два часа спустя секретарь провел ее в гигантский кабинет, украшенный восхитительными засушенными цветами.

Взглянув на мужчину, пожавшего ей руку, молодая женщина заметила только одно: у него был глубоко депрессивный вид, погасший взгляд и измученный голос.

— Добрый день, мадемуазель. Я дон Элемирио Нибаль-и-Милькар, мне сорок четыре года.

— Меня зовут Сатурнина Пюиссан, мне два-

дцать пять лет. Я веду занятия в Школе Лувра, заменяю одного преподавателя.

Она произнесла это с гордостью. Для бельгийки ее возраста такая работа, пусть даже временная, была большой удачей.

— Комната ваша, — сказал мужчина.

Растерявшись, Сатурнина спросила:

— Вы отказали всем предыдущим кандидаткам, а меня вот так сразу принимаете? Это Школа Лувра вас убедила?

— Если угодно, — равнодушно бросил он. — Я покажу вам вашу комнату.

Она последовала за ним через изрядное количество будуаров до комнаты, показавшейся ей огромной. Стиль ее был столь же роскошен, сколь и неопределим; примыкающая к ней ванная только что отремонтирована. Сатурнина и мечтать не могла о таком шикарном жилье.

Затем дон Элемирио провел ее в кухню, гигантскую и современную. Он показал ей холодильник, предназначенный для нее одной.

— Я не хочу знать, что едят другие, — пояснил он.

— Вы сами стряпаете? — удивилась молодая женщина.

— Конечно. Кулинария — это искусство и

власть: для меня не может быть и речи о том, чтобы подчиниться чьей бы то ни было власти. Если пожелаете разделить мою трапезу — с удовольствием. Обратное нереально.

Наконец он подвел ее еще к одной двери, выкрашенной в черный цвет.

— Здесь темная комната, где я проявляю фотографии. Она не запирается на ключ: это вопрос доверия. Само собой разумеется, вход туда запрещен. Если вы войдете в эту комнату, я об этом узнаю и вам не поздоровится.

Сатурнина промолчала.

— А так можете ходить повсюду. Вопросы есть?

— Я должна подписать контракт?

— Вы обговорите это с моим секретарем, добрейшим Иларионом Гривеланом.

— Когда я могу вселиться?

— Хоть сейчас.

— Мне надо съездить за вещами к подруге в Марн-ла-Валле.

— Хотите, мой шофер вас туда отвезет?

Сатурнина, которая собиралась ехать на электричке, без лишних церемоний согласилась.

— Тебе было плохо здесь со мной? — спросила Коринна.

— Нет, хорошо. И я тебе благодарна по гроб

жизни. Но не могу же я злоупотреблять твоим гостеприимством до скончания века.

— Я боюсь за тебя. Темная какая-то история.

— Коринна, ты меня не первый день знаешь: меня голыми руками не возьмешь. Приезжай ко мне, когда захочешь. Станция метро «Тур-Мобур». Я читала контракт, я имею право принимать гостей.

— А вдруг ты случайно войдешь в эту темную комнату?

— Это на меня непохоже. И плевать я хотела на его фотографии.

«Бентли» ждал ее у подъезда. Шофер, за всю дорогу туда и обратно не проронивший ни слова, поставил машину во внутреннем дворе особняка. В сумерках дом показался Сатурнине еще сказочнее.

Она разложила свои вещи во встроенные шкафы, на ее взгляд слишком вместительные. Около восьми часов в дверь постучали.

— Добрый вечер, мадемуазель, — поздоровался вошедший мужчина. — Меня зовут Мелен, я домашний слуга. В котором часу вы позволите мне убраться в вашей комнате и ванной?

— Здесь чисто.

— Разумеется, но моя обязанность — убираться

каждый день. Месье приглашает вас разделить с ним ужин: если вы согласитесь, я могу прибраться сейчас.

— Как хотите, — бросила в ответ Сатурнина, направляясь в кухню.

Дон Элемирио созерцал сложенную им пирамиду из яиц и спросил ее, любит ли она яйца. Она ответила утвердительно.

Он тотчас же со знанием дела приготовил омлет, совершенство коего привело Сатурнину в смущение.

— Если вы не против, мы поужинаем здесь же.

Кухонный стол был целиком сделан из органического стекла, приятного и на вид, и на ощупь. Дон Элемирио уселся на высокий табурет и пригласил ее приступать к еде незамедлительно.

Ел он молча, и она украдкой его разглядывала. С какой стати за ним закрепилась репутация соблазнителя? Наружности приемлемой, но и только. Одежда на нем была самая обычная, ничто во всем облике не приковывало взгляд. Что же до разговора, его просто не было. Если бы ее попросили отыскать в нем какое-либо достоинство, Сатурнина бы затруднилась.

— Чем вы занимаетесь? — спросила она.

— Ничем.

— Кроме фотографии, конечно?

Он секунду поколебался.

— Конечно. Но я редко ею занимаюсь. Жду вдохновения, а оно приходит нечасто.

— Чем же вы тогда занимаетесь целыми днями?

Она ожидала, что ее бестактность возмутит его. Ничуть не бывало.

— Я испанец.

— Мой вопрос не об этом.

— Это моя работа.

— В чем же она состоит?

— Никакая знатность даже близко не сравнится со знатностью испанской. Я знатен на полную ставку.

— А вот сегодня вечером, например, как вы проявите вашу знатность?

— Буду перечитывать протоколы инквизиции. Это изумительно. Как могли говорить дурно об этой судебной инстанции?

— Наверно, потому, что у нее были в ходу убийства и пытки.

— Убийства и пытки были в ходу задолго до инквизиции. Она же была в первую очередь судебным органом. Каждый имел право на суд до казни.

— Скорее пародию на правосудие.

— Ничего подобного. Я перечитываю протоколы, это высокая метафизика. Какой прогресс в сравнении с предшествующим варварством! Раньше обвинение в колдовстве немедленно приводило на костер. Благодаря суду святой инквизиции ведьм стали подвергать ордалии, которая могла их оправдать.

— Много ли ведьм было оправдано в результате такого испытания?

— Ни одной.

Сатурнина рассмеялась:

— Вы правы, прогресс колоссальный.

— Вы ничего не понимаете. Ордалия была доказательством, что они заслуживали смерти.

— Вы когда-нибудь ходили босиком по раскаленным углям?

— Я вижу, что вы сильная натура. Это не ваша вина. Вы француженка.

— Нет. Я бельгийка.

Он поднял голову и посмотрел на нее с интересом:

— Значит, вы отчасти испанка благодаря Карлу Пятому.

— Это дела давние.

— Нет. Мы так и остались в шестнадцатом веке.

Отсюда продажа индульгенций.

До сих пор Сатурнина думала, что имеет дело с провокатором. В эту минуту она поняла, что перед ней сумасшедший.

— Чтение протоколов инквизиции когда-нибудь да закончится, — сказала она. — Что вы будете читать после?

— Перечитаю Грасиана и Луллия.[1]

— Испанский отдел Лувра просто создан для вас, вы, должно быть, часто там бываете.

— Никогда не был.

— Вы шутите?

— Нет. Я вообще никогда не выхожу. Двадцать лет я не покидал этот дом.

— Даже на прогулку в машине?

— Нет.

— Но зачем же тогда вы имеете шофера и «бентли»?

Сказав это «имеете шофера», Сатурнина хотела было поправиться, но хозяин дома, похоже, не был шокирован ее выражением и ответил:

---

[1] Примечания: 1

Грасиани-Моралес Бальтасар (1601–1658) — испанский прозаик, философ и теоретик литературы, иезуит. Крупнейший представитель литературы барокко. *Луллий Раймунд* (ок. 1235–1315) — поэт, философ и миссионер, один из наиболее оригинальных представителей средневекового миросозерцания с положительной его стороны. Один из родоначальников европейской арабистики.

— Мой секретарь и мой слуга часто прибегают к услугам шофера и его автомобиля. Я же, со своей стороны, предпочитаю оставаться здесь. Внешний мир шокирует меня своей вульгарностью и скукой.

— Вы никогда не скучаете, сидя здесь взаперти?

— Случается порой. Однако это не сравнить с тем, что испытываешь на светском приеме или дружеской вечеринке. У меня больше нет друзей. Это слишком скучно.

— Может быть, вы просто не встретили подходящих вам людей.

— Примерно до вашего возраста и у меня было то, что называют социумом. Клянусь вам, я добросовестно старался в нем жить. В конечном счете все откровенные признания похожи одно на другое. Мне неизмеримо приятнее общаться с Грасианом, Луллием и Торквемадой.[2] Тем более что они-то ничего от меня не хотят.

— Я могу понять, что вам наскучили люди. Но Париж, лес, мир!

Дон Элемирио устало отмахнулся.

— Я все это видел. Люди, возвращаясь из пу-

---

[2] Примечания: 2

Торквемада Томмазо де (1420–1498) — основатель испанской инквизиции, первый Великий инквизитор Испании.

тешествий, говорят: «Мы ездили смотреть на Ниагарский водопад». Для туризма нужна наивность, которой у меня нет. Понимаете, эти люди всерьез верят, будто Ниагарский водопад нуждается в том, чтобы они на него смотрели.

— Почему вы не покончите с собой? Если бы я думала, как вы, я бы повесилась.

— Вы ошибаетесь. Моя жизнь не лишена интереса.

— Вам достаточно ваших старых книг, чтобы жить?

— Не одни только книги. Есть Господь Бог, Христос, Святой Дух. Я католик, насколько может быть католиком испанец. Это меня немало занимает.

— Почему же вы не ходите к мессе?

— Месса приходит ко мне. Если хотите, я покажу вам часовню, где каждое утро испанский священник служит для меня одного. Это рядом с кухней.

— Ваша жизнь прельщает меня все меньше.

— И потом, есть женщины.

— Где же вы их прячете? Я ни одной не видела.

— Разве вы чувствуете себя спрятанной?

— Я не женщина вашей жизни.

— Именно так. С сегодняшнего утра.

— Нет. Я как следует прочла контракт на квартиру, прежде чем подписать.

— Это слишком тонко для контракта.

— Говорите за себя. Вы меня абсолютно не привлекаете.

— Вы меня тоже.

— Тогда почему же вы говорите, что я — женщина вашей жизни?

— Это рок. Пятнадцать женщин претендовали сегодня на комнату. Когда я увидел вас, я сразу понял, что именно с вами может свершиться судьба.

— Ничто не свершится без моего согласия.

— В самом деле.

— Значит, ничто не свершится.

— Я понимаю вас. Я вам не нравлюсь, это естественно. Я непривлекателен.

— Вы говорили, что вам наскучили люди. Напрашивается вывод, что наскучили вам мужчины.

— Женщины так же скучны, как мужчины. Но с некоторыми из них возможна любовь, которая не может наскучить. Тут есть какая-то тайна.

Сатурнина нахмурилась:

— Значит, эту квартиру вы сдаете исключительно ради женщин?

— Конечно. Для чего же еще?

— Я думала, ради денег.

— Пятьсот евро в месяц. Вы шутите!

— Для меня это приличная сумма.

— Бедное дитя.

— Я сказала это не для того, чтобы вы меня пожалели. Я что-то не понимаю. Для такого человека, как вы, не должно быть проблемой знакомство с женщинами.

— Вот именно. Я один из самых завидных женихов в мире. Отчасти поэтому я и не выхожу больше из дома. На каждом светском приеме меня осаждают женщины. Патетическое зрелище.

— Ваша скромность трогательна.

— Я скромнее, чем вы думаете. Я знаю, что этих женщин не интересует ни моя внешность, ни мои душевные качества.

— Да, драма богатого человека.

— Не угадали. В плане богатства есть и поинтереснее меня. Моя драма в том, что я самый знатный человек в мире.

— Как вы в этом уверены!

— Специалисты вам подтвердят: никакая аристократия и близко не сравнится с испанской. Она настолько выше, что нам пришлось изобрести новое слово для обозначения нашей знати.

— Гранды.

— Вы и это знаете?

— Можно быть последней бельгийской простолюдинкой и знать такие вещи.

— Замечу в скобках: разве в других странах можно верить гербам и титулам? Там же какие-то аптекарские предписания, в которых указано, что такой-то — граф, а такой-то — маркиз или эрцгерцог…

— Позвольте, но ведь у вас это тоже есть. Бельгия помнит герцога Альбу.

— Да, но у нас эти титулы — все равно что месье или мадам. Важно другое — принадлежать к числу грандов. Говорят же: «испанский гранд». Попробуйте сказать «французский гранд», сами поймете, как это комично.

— А почему вы живете во Франции?

— Нибаль-и-Милькары в изгнании. Один мой предок назвал Франко леваком. Тому это не понравилось. Поди знай почему, но его враги тоже на нас за это в обиде.

— С политической точки зрения современная Франция вам подходит?

— Нет. В идеале меня бы устроила монархия с феодально-вассальным режимом. На Земле такого не существует.

— Вы не думали отправиться на другую планету? — спросила Сатурнина, развеселившись.

— Конечно, — ответил дон Элемирио совершенно серьезно. — В двадцать лет я не прошел тесты НАСА по причинам физиологического свойства. Это особенность грандов: у нас слишком длинный кишечник. Отсюда продажа индульгенций.

— Я что-то не улавливаю причинно-следственной связи в вашей истории.

— Испанские угрызения совести труднее переварить, учитывая длину кишечника грандов. Продажа индульгенций облегчила немало пищеварительных проблем. Короче, отправиться в космос я не могу. Поэтому сижу в Париже.

— Но продажа индульгенций в Париже не практикуется, дон Элемирио.

— Ошибаетесь. Каждое утро я плачу несколько дукатов моему духовнику, который отпускает мне грехи.

— Это ж можно озолотиться!

— Прекратите зубоскалить, а то я теряю нить рассказа. На чем я остановился?

— На женщинах. У вас с ними трудности, потому что вы слишком знатны.

— Да. Любой союз был бы мезальянсом. Поэтому я отказался от женитьбы. А между тем в светском

обществе женщины надеются заполучить мужа.

«Он говорит серьезно», — подумала Сатурнина.

— Вот почему я предпочитаю сдавать квартиру. Квартиросъемщицы не надеются, что вы на них женитесь. Они и так живут с вами.

— Не очень по-католически то, что вы говорите.

— Действительно. Мой священник берет с меня много дукатов за этот грех.

— Вы меня успокоили. Кстати, вас не смущает, что я простолюдинка?

— Для Нибаль-и-Милькаров все, кто не принадлежит к их роду, простолюдины. Я однозначно предпочту такую простолюдинку, как вы, всем этим самопровозглашенным аристократам, которых полно во Франции. Даже трогательно, когда эти люди рассказывают вам, что их предки сражались при Азенкуре или Бувине.[3]

— Тут я с вами согласна. Но сами-то вы можете предъявить что-то получше?

— Нибаль-и-Милькары ведут свой род от кар-

---

[3] Примечания: 3

При местечке *Азенкур* в Северной Франции 25 октября 1415 г. состоялось сражение между французскими и английскими войсками во время Столетней войны. При *Бувинево* Франции 27 июля 1214 года состоялось сражение между войсками французского короля Филиппа II Августа и англо-фламандско-немецкой коалиции, возглавляемой императором Священной Римской империи Оттоном IV.

фагенян и Христа. Согласитесь, это не то что какое-то жалкое сражение во Франции.

— От карфагенян — еще куда ни шло. Но от Христа — вы уверены?

— Не все знают, что Христос был испанцем.

— Разве он не был галилеянином?

— Можно родиться в Галилее и быть испанцем. Возьмите меня — я родился во Франции, однако более испанца вы не найдете, кроме разве что Христа.

— Как-то все это туманно…

— Ничего подобного. Поведение Христа — самое испанское на свете. Это Дон Кихот, только лучше. А вы же не станете отрицать, что Дон Кихот — архи-испанец.

— Я и не отрицаю.

— Ну вот, возьмите каждую черту Кихота и помножьте на пятнадцать — получите Христа. Христос придумал Испанию. Вот почему Нибали-Милькары — чемпионы христианства.

— А какое отношение имеют ко всему этому квартиросъемщицы?

— Они — те простые женщины, которых, как Дульсинею Тобосскую, я удостаиваю своим интересом, хотя это всего лишь деревенские девки.

— Деревенские девки? Допустим. Почему же

вы проявляете интерес к деревенским девкам, вместо того чтобы выбрать достойную партию?

— От достойных партий мне тошно. Как можно возомнить себя ровней Нибаль-и-Милькару? Я предпочитаю случай подобной претензии. Святой случай по милости своей всегда посылал мне женщин, желающих снять квартиру.

— Но среди пятнадцати кандидаток по крайней мере одна знала вашу родословную.

— Все ее знали. Я выбрал неосведомленную.

— Неосведомленную? Теперь уже нет.

— В самом деле. Я был настолько честен, что предупредил вас.

— А если я уйду?

— Воля ваша.

— Я не уйду. Я вас не боюсь.

— Вы правы. Я достоин доверия, как никто, кого я знаю.

— Странный ответ. Люди, объявляющие себя достойными доверия, так же опасны, как все другие.

— Да. Но правила ясно сформулированы. Стало быть, опасности можно избежать. Хотите десерт?

— Вы предлагаете так, будто это угроза.

— Так и есть. Это крем на основе яичных желт-

ков.

— Вы подаете мне на ужин омлет и яйца на десерт?

— Я питаю теологическую страсть к яйцам.

— А ваш желудок не против?

— Пищеварение — феномен чисто католический. Пока священник отпускает мне грехи, я могу переваривать кирпичи. Добавлю, что святая Испания всегда отводила яйцу достойное место. В Барселоне монахини крахмалили свои покровы яичными белками, и их уходило на это столько, что поварам пришлось измыслить тысячу рецептов из желтков.

— Что ж, положите немножко, с рюмочку для яйца.

Хозяин принес чашки из литого золота и наполнил их желтой маслянистой массой. Сатурнина застыла от восхищения.

— Этот матово-желтый цвет в вычурном золоте — какая красота! — вымолвила она наконец.

Дон Элемирио впервые посмотрел на молодую женщину с неподдельным интересом.

— Вы к этому восприимчивы?

— А как же! Красное с золотом, синее с золотом, даже зеленое с золотом — сочетания дивные, но классические. Желтое с золотом в искусстве не

встречается. Почему? Это же цвет самого света, переходящий от самого матового к самому сияющему.

Ее визави положил ложку и со всей возможной торжественностью объявил:

— Мадемуазель, я вас люблю.

— Уже? И за столь немногое?

— Прошу вас не портить опрометчивыми словами изумительное впечатление, которое вы сейчас произвели. Золото — субстанция Бога. Ни у одного народа нет такого чувства золота, как у испанцев. Понять золото — значит понять Испанию и, стало быть, понять меня. Я вас люблю, это так.

— Что ж. А я вас не люблю.

— Это придет.

Сатурнина попробовала крем из яичных желтков.

— Очень вкусно, — оценила она.

Дон Элемирио подождал, пока она доест, и воскликнул:

— Я люблю вас еще больше!

— Что же произошло?

— Вы первая, кто не говорит, что это приторно или переслащено. Вы не мелкая натура.

Молодая женщина постаралась ничего больше не говорить, боясь усилить страсть, внезапного

всплеска которой она не понимала. Чтобы избежать жгучего и пристального теперь взгляда испанца, она, сославшись на усталость, поспешно скрылась в своей комнате.

Необычайный комфорт кровати потряс Сатурнину. «Чтобы испытать такое блаженство, я готова выслушать любые дурацкие признания в любви», — успела подумать она, прежде чем уснула в тишине, какой в самом сердце Парижа и представить себе не могла. Диван в Марн-ла-Валле принадлежал другому миру.

Как все, кому месяцами приходилось спать в походных условиях, Сатурнина сразу поняла, что не сможет теперь обойтись без роскоши. Среди ночи она встала по нужде; ее ноги ощутили теплый паркет, а потом — подогретый мрамор ванной комнаты. Эта последняя деталь добила ее.

Проснувшись, она пошла посмотреться в зеркало: незнакомое прежде ласковое выражение озарило ее лицо. Впервые после отъезда из Бельгии она не выглядела «изможденной обитательницей пригорода», как она сама о себе говорила.

Она вызвала слугу, дернув за специально предусмотренный для этого шнурок. Через пять минут в дверь постучали. Вошел Мелен.

— Мадемуазель желает завтрак в комнату?

— Это возможно?

— Предпочитаете завтракать в постели или за столом?

— Я обожаю завтракать в постели, но ведь крошки.

— Простыни меняются каждый день. Кофе, чай, круассаны, яйца, фруктовый сок, молоко, хлопья?

— Черный кофе, пожалуйста, и круассаны.

В Школу Лувра Сатурнина отправилась в потрясающей форме. Лекции читала играючи, с убеждением, что ее ученики, большинство которых были ей ровесниками, наконец-то ее зауважали.

Она работала в своей комнате, когда пришел Мелен и сказал, что месье просит ее разделить с ним ужин.

— Что будет, если я откажусь? — спросила она.

— Ваше право. Подать вам ужин в комнату?

Узнав, что она вольна распоряжаться собой, Сатурнина успокоилась.

— Я иду, — сказала она.

Дона Элемирио она застала у плиты. Поверх домашней одежды на нем был большой передник.

— Добрый вечер, мадемуазель. Я приготовил

мясные рулеты.

Сатурнина рассмеялась.

— Вы не любите?

— Люблю. Но это так по-французски. Я не ожидала, что испанец выберет такую французскую семейную классику.

— В Бельгии этого не едят?

— Я ела только один раз, у старой тетушки в Турнэ. Она называла их «безголовыми птицами», из-за этого я отказалась к ним притронуться. Мне было десять лет, и меня заставили. Пришлось признать, что это вполне съедобно.

— «Безголовые птицы». Это бельгийское название?

— Полагаю.

— Что за варварская у вас страна!

— Не всем же принадлежать к народу суда святой инквизиции!

— Это верно, — кивнул он, не уловив иронии. — Надеюсь, что мои рулеты покажутся вам более чем съедобными.

Он разложил еду по тарелкам, снял передник и сел вместе с ней за стол.

— Очень вкусно, — сказала она.

— Я вас люблю.

— Дайте мне спокойно поужинать, пожалуй-

ста.

— Я весь день ждал встречи с вами.

— И скрашивали одиночество, читая приговоры ведьмам.

— Нет. Поскольку я влюблен, я почувствовал себя в высшей степени самим собой и перечитал часть интимного дневника, который писал ребенком.

Он умолк в надежде, что она станет его расспрашивать, но, так и не дождавшись, продолжал:

— Я знал, что мне нельзя исповедаться до восьми лет. Боясь позабыть какие-то грехи, я с четырех лет завел привычку записывать мои дела, поступки и мысли. Исходя из принципа, что не могу отличить хорошее от дурного, я записывал все. В восемь лет, когда мне было позволено наконец войти в исповедальню, я показал священнику мои многочисленные тетради. К моему великому огорчению, он отказался их читать. «А если я забуду сказать вам про какой-нибудь прошлый грех, то попаду в ад?» — спросил я его. Он заверил меня, что нет. «До восьми лет нет смертных грехов» — так он сказал. Что вы об этом думаете?

— Я не верю в ад.

— Какое легкомыслие с вашей стороны! Но мой вопрос не об этом. Вы думаете, до восьми лет не

совершают смертных грехов? В моем интимном дневнике их полно с пятилетнего возраста, когда я открыл для себя онанизм.

— Вы, пожалуй, не обязаны поверять мне свои тайны. Я не ваш духовник.

— Еще я воровал. Я любил одного маленького шалопая из моей школы и заметил, что он выказывает мне симпатию, когда я дарю ему ценные вещи. И вот я таскал из дома столовое серебро и на перемене отдавал ему. Однажды я пришел к нему поиграть, и его родители пригласили меня остаться на ужин. Приборы на столе были из нержавейки. Я спросил его, что он сделал с моими подарками. Он ответил, что продал их. Для меня это было несказанным горем. Больше я никогда не воровал и не любил того мальчишку.

— Этот эпизод вы перечитывали сегодня?

— Нет. Я читал о том, как открыл для себя золото. В часовне дарохранительница и монстранция были из чистого золота — они и по сей день золотые. В семь лет однажды зимним днем я зашел помолиться. Лучи заходящего солнца упали прямо на эти предметы поклонения, и они ослепительно вспыхнули. В один миг я понял, что это сияние свидетельствовало о присутствии Бога. Мною овладел транс, который прошел,

лишь когда сумерки поглотили золотой ореол. Моя вера, и прежде истовая, достигла вселенских масштабов.

— Вы не едите.

— Ем, ем. Так вот, вчера, когда вы восхитились красотой яичного желтка в золотой чашке, я испытал транс, сравнимый с тем, что овладел мною в семь лет, — и понял, что люблю вас.

— Прекрасно. Остальное вы расскажете мне, когда доедите все, что у вас в тарелке.

— Вы разговариваете со мной как с малым дитятей! — воскликнул он.

— Терпеть не могу, когда вкусные вещи остывают из-за того, что люди любят поболтать.

— Говорите тогда вы, вы ведь уже закончили.

— Простите, но из меня плохая собеседница.

— Вы скрытная натура?

— Я стараюсь держаться подальше от тех, кто называют себя скрытными. Они только так говорят, а сами через пять минут посвящают вас в малейшие подробности своей личной жизни.

— Можно много говорить о себе, оставаясь при этом скрытным.

— А можно и не говорить.

— Вы надеетесь остаться для меня чужой?

— Я останусь для вас чужой.

— Тем лучше. Тогда я сам придумаю вас.

— Я так и знала.

— Вас зовут Сатурнина Пюиссан, вам двадцать пять лет, и вы бельгийка. Вы родились в Икселе 1 января 1987 года.

— Вы читали контракт. С вашего позволения я не стану изумляться.

— Вы учитесь в Школе Лувра.

— Нет. Я преподаю в Школе Лувра.

— Что бельгийка вашего возраста может преподавать в Школе Лувра?

— Придумывайте же меня.

— Вы специалистка по Кнопфу.[4] Вы читаете французам лекции об искусстве Кнопфа.

— Мысль неплоха. Я люблю этого художника.

— Вам не кажется, что он писал ваше лицо?

— Вы преувеличиваете.

— Нет. Вы красивы, как женщина с картин Кнопфа. Я так и представляю вас с телом гепарда. И очень бы хотел, чтобы вы меня растерзали.

— Я не ем что попало.

— Хотите выйти за меня замуж?

— Я думала, вы не из тех, кто женится.

— Для вас я сделаю исключение. Я люблю вас,

---

[4] Примечания: 4

Кнопф Фернан — бельгийский художник, график, скульптор и искусствовед, главный представитель бельгийского символизма.

как никогда никого не любил.

— Вы, должно быть, говорили это всем моим предшественницам.

— Я говорил это всякий раз, когда это было правдой. Но вы первая, кому я сделал предложение.

— Вы знали, что я откажу. Риск был невелик.

— Вы отказываетесь из-за моей репутации?

— Вы об исчезнувших женщинах? Нет, я отказываюсь, потому что не хочу выходить замуж. А что с ними случилось, с этими женщинами?

— Это долгая история, — тихо проговорил дон Элемирио с таинственным видом.

— Молчите. Я не должна была задавать вам этот вопрос. Мне все равно, что с ними произошло.

— Почему вы так говорите?

— Я видела, как вас обрадовала мысль рассказать мне о ваших похождениях. Мне этого достаточно.

— Я все-таки скажу вам…

— Нет. Я ничего не хочу знать. Если скажете хоть слово, я уйду в свою комнату.

— Что на вас нашло?

— Вы неудачно выбрали квартиросъемщицу. Кандидатки, ждавшие в очереди вместе со мной, пришли исключительно из любопытства — им хотелось знать, что сталось с этими женщинами.

А я… я просто искала жилье.

— Значит, я правильно выбрал вас.

— В какую порочную игру вы играете? Селите у себя малообеспеченных женщин, обольщаете их, толкаете на недозволенное, а потом наказываете.

— Как вы смеете!

— Не держите меня за дуру. Вы сами показываете темную комнату, в которую нельзя заходить ни под каким видом, говорите, что она не заперта, что это вопрос доверия и что, мол, «если войдете туда, я об этом узнаю и вам не поздоровится». Не говори вы так настойчиво об этой запретной комнате, ни одной из ваших квартиросъемщиц и в голову бы не пришло туда войти. Представляю, с каким садистским удовольствием вы их потом наказывали.

— Это неправда.

— Какая грубая западня! Не знаю, кого я презираю сильней: несчастных, которые в нее попались, или негодяя, ее расставившего.

— Это тест.

— Да по какому праву вы подвергаете людей тестам? Кем вы себя возомнили?

— Я — дон Элемирио Нибаль-и-Милькар, испанский гранд.

— Да бросьте вы! Никого, кроме вас, не впечатляет ваше бахвальство!

— Ошибаетесь. Множество женщин готовы на все, лишь бы носить это имя. Экономический кризис еще повысил престиж аристократии.

— Вы говорите, что эти женщины были готовы на все, лишь бы носить ваше имя, а между тем они даже не были готовы соблюдать ваш глупый запрет.

— Увы, слабость души стала нормой.

— Вы-то чем лучше? Сначала грешите, потом суете дукаты вашему духовнику.

— Позвольте! Зная мою любовь к золоту, нетрудно оценить приносимую мной жертву.

— Все в этой истории дураки, кроме вашего духовника.

— И вас. Я восхищен вашим умом.

— В данном случае это всего лишь душевное здоровье. Я не куплюсь на ваши глупости.

— Вы достойны выйти за меня замуж.

— Зато вы меня недостойны.

— Мне нравится, что вы так себя переоцениваете.

— Нисколько. Просто я в своем уме. Десерт будет?

— Есть яичный крем, которым я угощал вас

вчера.

— Нет, хватит. Я люблю разнообразие.

— Чего бы вам хотелось?

— «Сент-Оноре»,[5] — сказала она из бравады и скрылась в своей комнате.

Наутро, когда Мелен принес ей завтрак в постель, Сатурнина спросила его, давно ли он работает у Нибаль-и-Милькаров.

— Двадцать лет. Как и Иларион Гривелан и шофер.

— Вас наняли одновременно?

— Да. Сразу после смерти родителей месье.

— Прежнюю команду похоронили вместе с покойными?

— Нет, — невозмутимо отвечал Мелен. — Родители месье придерживались совсем другого образа жизни. Они часто принимали гостей. В доме было много слуг. Месье их всех рассчитал.

— Для дона Элемирио имело значение, что вы — мужчина?

— Да. Это был один из критериев.

— Почему?

— Не знаю, мадемуазель.

---

[5] Примечания: 5

«Сент-Оноре» — популярный французский десерт: торт с профитролями и заварным кремом или взбитыми сливками.

Когда вечером того же дня Сатурнина вошла в кухню, дон Элемирио, странно взбудораженный, встретил ее громогласным «Вы!».

— А кто же еще это может быть? — улыбнулась она.

— Я провел этот день в вашем обществе. Смотрите.

Он достал из холодильника и водрузил на стол огромный «Сент-Оноре». Молодая женщина восхищенно ахнула.

— Мое произведение, — торжественно объявил он. — Я никогда не готовил ни профитролей, ни слоеного теста, ни заварного крема, ни карамели, но все освоил сегодня благодаря моей колдовской книге.

— Это изумительно!

— У меня было искушение положить в кипящую карамель несколько листиков золота, дабы придать этому торту испанское достоинство, но я устоял, чтобы доказать вам, что я способен разделить вкусы других людей.

— С чем вас и поздравляю.

— Это основное блюдо.

— Вы правы. Мы не станем ничего больше есть — у нас сегодня только десерт. А шампанское вы предусмотрели?

— Что, простите?

— Такой «Сент-Оноре» надо запивать хорошим шампанским.

— Мне очень неловко. В доме нет шампанского.

— Я добуду, — сказала Сатурнина.

Дон Элемирио не успел ее удержать, молодая женщина стремглав выбежала на улицу. В этот час в VII округе Парижа ей вряд ли удалось бы найти открытый магазин; она зашла в шикарный ресторан, очаровала бармена и купила по бешеной цене бутылку «Лоран-Перье». Со своей добычей она поспешила обратно.

— Ледяное, — сообщила она, вернувшись.

Дон Элемирио достал высокие фужеры из толедского хрусталя.

— Я не знал, что вы любите шампанское, — промямлил он.

— А вы нет?

— Сам не знаю.

— К чему быть богатым, если не пить лучшее шампанское? Вы одержимы золотом, а разве вам не известно, что шампанское — это его жидкий вариант?

Сатурнина откупорила бутылку, наполнила фужеры и протянула один испанцу.

— Посмотрите, — сказала она, глядя сквозь золотистую жидкость. — Что может быть прекраснее этого удовольствия?

— За что мы выпьем?

— За золото, конечно.

— За золото, — повторил дон Элемирио со страстью в голосе.

Первый глоток пронзил их насквозь.

— Вот теперь мы можем достойно отведать вашего «Сент-Оноре».

Он разрезал торт на две половины, и они не осели: ему сопутствовала благодать.

— Изумительно вкусно! — воскликнула Сатурнина. — Не знаю, какой вы аристократ, но как кондитер вы меня убедили. Что с вами? Вы плачете?

— Впервые мне показалось, что я вам нравлюсь. Я очень чувствителен.

— Полноте, не надо преувеличивать. Я оценила ваш торт, только и всего. Утрите слезы, прошу вас.

— Нет. Мне нравится плакать перед прекрасной молодой женщиной, которой я дарю наслаждение.

— С вами невозможно общаться!

— Вот видите, я прав, что избегаю общества.

Сатурнина рассмеялась.

— Как подумаю обо всех этих женщинах, которые мечтают с вами познакомиться! Если бы они знали, что вы рыдаете по любому поводу и что у вас в доме нет шампанского!

— По последнему пункту я исправлюсь. Вы меня обратили. Откуда у вас эта привычка?

— Привычка? Вы шутите. Я не так много шампанского пила в жизни, но с первого же раза поняла, что ничего лучше быть не может. Но вы-то — как это могло пройти мимо вас?

— Думаю, шампанское для меня было испорчено светскими условностями. Я не притрагивался к нему двадцать лет.

Этот срок напомнил его собеседнице другой.

— Для работы в доме вы нанимаете только мужчин. Почему?

— Мне невыносима сама мысль, что унизительную работу может выполнять женщина. Еще в детстве, когда я видел, как женщина моет пол, мне становилось стыдно.

— А когда мужчина моет пол, вас это не смущает?

— Я всегда считал, что мужчины предназначены для черной работы. Если я требовательнее к женщинам, то это потому, что от них большего

можно ожидать.

— Ваши речи довольно двусмысленны. Вы ставите женщин выше, чтобы легче позволить себе их наказать.

— С чего вы взяли, что я их наказываю?

— С ваших собственных слов. «Если вы войдете в темную комнату, вам не поздоровится».

— Из этой фразы не следует, что я наказываю кого бы то ни было.

— Мне кажется, вы играете словами.

— Если вы подозреваете меня в злонамеренности, почему же не уходите?

— Потому что здесь я пользуюсь исключительным комфортом. Потому что мне неинтересна ваша темная комната. Потому что с завтрашнего дня вы будете заказывать коллекционное шампанское.

— В общем, вы меня цените.

— Я этого не говорила. Но я вас не боюсь.

— Вы правы. Я не опасен.

— А что об этом думают восемь моих предшественниц?

— Спросите их.

— У вас мрачный юмор.

— Позвольте, я вам расскажу…

— Я не хочу знать вашу историю, повторяю

вам еще раз.

— Вы несправедливы.

— У меня такое чувство, что и вы не образец справедливости.

Дон Элемирио съел немного «Сент-Оноре» и с сомнением на лице произнес:

— На первый взгляд факты говорят против меня.

— Как вы трезво мыслите! — воскликнула Сатурнина смеясь.

— Вы ошибаетесь на мой счет. Мне просто худо делается, как подумаю, скольких женщин точно магнитом притягивает моя чудовищная репутация. Вот вы можете мне объяснить эти женские причуды?

— Наверно, в большинстве женщин заложена от природы некая форма мазохизма. Сколько раз я видела, как женщин тянуло к гнуснейшим извращенцам! В тюрьмах последователи Ландрю[6] получают кипы писем от влюбленных поклонниц. Некоторые даже выходят за них замуж. Думается мне, это темная сторона женственности.

— Но вы ведь не такая. Почему?

---

[6] Примечания: 6

Ландрю Анри Дезире (1869–1922) — французский серийный убийца.

— Задайте вопрос иначе. Почему другие безумны?

— Женщины лучше или хуже мужчин. Это написал Ларошфуко.

— Впервые слышу, как вы цитируете француза.

— Испанцы способны лишь трагически идеализировать женщин. Я не исключение из правила.

— Это, пожалуй, не подарок — поместить женщину на пьедестал.

— Напротив. Это значит подарить ей возможность исключительности.

— И за малейшую погрешность сбросить несчастную наземь.

— Не за малейшую погрешность.

— Замолчите! Думаете, я не поняла? Вашим действиям нет оправдания.

— Если вы так думаете, донесите на меня в полицию.

— Нет уж, увольте, это не в моих привычках. Донесите на себя сами.

— Мне судья только Господь.

— Очень удобно!

— Вовсе нет.

— Господь, который через посредство вашего духовника отпускает вам грехи за деньги!

— Нет, за золото.

— Перестаньте, прошу вас.

— Разница огромная. Деньги — жалкая штука, и я их не уважаю. Золото же священно.

— И этого достаточно для очистки вашей совести? Вы хорошо себя чувствуете, когда смотритесь в зеркало?

— Я нахожу себя вполне заурядным.

— Вы так и выглядите. Если бы в мире царила справедливость, у людей вашего сорта были бы те лица, которых они заслуживают.

— У меня и есть лицо, которого я заслуживаю. Вполне заурядное.

— Сейчас вы, наверно, будете говорить мне о банальности зла. Я терпеть не могу эту теорию.

— Не приписывайте мне чужих мыслей. Я не собирался вам об этом говорить. Теперь, когда вы познакомились с моими кулинарными талантами, может, вы захотите выйти за меня замуж?

— Все бы вам ерничать. Это сильнее вас, не так ли?

— Я совершенно серьезен.

— Нет, я не выйду за вас. Ради торта замуж не выходят.

— А неплохой был бы мотив.

— И все равно я не собираюсь замуж. Ни за вас,

ни за кого другого.

— Почему?

— Это мое право.

— Да. Но почему?

— Я не обязана вам это объяснять.

— Пожалуйста, скажите мне.

— У вас же есть темная комната, куда заходить запрещено. Отсутствие матримониального желания — моя темная комната.

— Это разные вещи.

— Каждый хранит свои секреты там, где хочет.

— Вы в самом деле ничего не поняли. Вы меня разочаровали.

— Не мните себя таким уж таинственным. На уловку с темной комнатой вам меня не поймать.

— Вы меня глубоко разочаровали.

— Тем лучше.

— Увы, разочарование не излечивает от любви.

— Если я доем ваш «Сент-Оноре», это вас излечит от вашей любви?

— Нет. Это ее усугубит.

— Черт! А мне так хочется это сделать.

— Валяйте. Так или иначе, я влюблен до безумия.

— Положить вам еще?

— Нет. Я слишком опечален.

Сатурнина без церемоний приступила к торту, вернее, к тому, что от него осталось. Наевшись, она вновь снизошла до разговора:

— Позавчера, когда я с вами познакомилась, вид у вас был очень депрессивный.

— Так и есть. Только любовный восторг выводит меня из депрессии.

— Вы никогда не думали обратиться к специалисту?

— Сдавать комнату, на мой взгляд, эффективнее и выгоднее.

— Вот это тоже, пожалуй, эффективнее и выгоднее, — сказала Сатурнина, наполняя фужеры шампанским.

Дон Элемирио выпил и вздохнул.

— Вы такая чудесная, умная, красивая и пышете здоровьем. С ума сойти, до чего мне не везет с женщинами.

— Утешьтесь. Я не останусь здесь на веки вечные. Вы найдете недалекую квартиросъемщицу, которая влюбится в вас.

— А я бы хотел, чтобы вы остались здесь на веки вечные, — проговорил он торжественно.

— Замолчите, а то у меня мурашки по спине побежали.

— Но аппетит я вам не отбил.

— Очень галантно с вашей стороны это подчеркнуть.

— Я восхищен: вы столько едите и остаетесь такой худенькой.

— Это называется молодостью. Вы еще помните?

— Да. Чувствуешь себя несокрушимым, но вдруг… Достаточно какого-нибудь пустяка, и ты уже знаешь, что всему конец.

— Полноте, — сказала Сатурнина, разлив по фужерам остатки шампанского, — нельзя впадать в меланхолию, когда пьешь этот эликсир. Завтра же велите Мелену заказать «Лоран-Перье», «Рёдерер», «Дом Периньон» и еще что-нибудь из той же компании. Не скупитесь, средства у вас есть. Только хочу вас предостеречь: не берите розового шампанского.

— Само собой. Предпочесть слащавость розового мистицизму золотого — какой абсурд!

— Изобретателю розового шампанского удалась полная противоположность поискам алхимиков: он превратил золото в сироп.

С этими словами Сатурнина скрылась в своей комнате.

В субботу молодая женщина позвонила Ко-

ринне и пригласила навестить ее по новому адресу.

— Ты уверена, что я могу прийти?

— Почему бы нет? Ты боишься?

Подруга приехала под вечер. Сатурнина показала ей все комнаты особняка. Перед последней дверью она остановилась.

— Темная комната? — спросила Коринна.

— Да.

— Как ты думаешь, что он там прячет?

— Надо ли отвечать? Ты сама это знаешь не хуже меня.

— Жуть. Как ты можешь жить под одной крышей с этим психопатом?

— Этот тип подпитывается страхами других людей, в особенности женщин. Я хочу показать ему, что меня он не запугает.

— Почему ты не сообщишь в полицию?

— Забавно, он мне сказал то же самое. Мне кажется, подсознательно он желает, чтобы его сдали в руки правосудия.

— Это доказывает, что совесть у него нечиста.

— Ты думаешь? Он платит золотом своему духовнику — этого ему достаточно, чтобы очистить свою совесть.

— У тебя нет искушения войти в ту комнату?

— Мне любопытно, но легко устоять. Можешь быть уверена, что он понаставил тут камер наблюдения. Я не хочу отправиться вслед за этими несчастными.

— Мне кажется, что я бы пошла сюда ночью в приступе лунатизма. Сатурнина, съезжай из этого дома, прошу тебя!

— Лучше пойдем со мной.

Она отвела Коринну в свою комнату. Та лишь взглянула, и у нее перехватило дыхание.

— Разуйся и пройдись по ванной.

Подруга повиновалась.

— Пол с подогревом!

— Ляг на кровать.

Коринна растянулась на постели и застонала от удовольствия.

— Послушай, как тут тихо.

— Пятьсот евро в месяц, — простонала молодая женщина, платившая больше за свою маленькую квартирку в Марн-ла-Валле.

Сатурнина дернула за шнурок. Тотчас появился Мелен.

— У меня в гостях подруга. Могу я попросить вас принести нам чаю?

Через пять минут Мелен уже ставил в комнате низкий столик, на котором дымился чайник,

стояли золоченые чашки и кекс с цукатами.

Дождавшись, когда он уйдет, Коринна сказала:

— Я тебя понимаю. Этот парень хочет на тебе жениться? Соглашайся. А потом устрани его.

— То есть ты хочешь, чтобы я последовала его примеру?

— Этот тип убил восемь женщин!

— Не мое дело вершить суд.

— Ну ты и зануда.

— Я не хочу сесть в тюрьму.

— А если ты совершишь идеальное преступление?

— Такого не существует.

— И что же? Ты будешь жить с этим чокнутым и ничего не делать?

— Пока я здесь, он больше никого не укокошит.

— Ты жертвуешь собой?

Указав подбородком на роскошную обстановку комнаты, Сатурнина ответила:

— Это не называется жертвовать собой.

Она разлила чай по чашкам и отрезала два тонких ломтика кекса. Прежде чем положить свой кусочек на тарелку, посмотрела сквозь него на свет и добавила:

— Взгляни, как просвечивает. Засахаренные

вишни похожи на рубины, цукаты — на изумруды. Оправленные в прозрачное тесто, они выглядят как мозаика или витраж из драгоценных камней. А положи его на золотую тарелку — и вовсе получится сокровище.

— Можно мне стянуть блюдечко?

— Нет.

— Жаль. Я могла бы за него кое-что выручить.

Сатурнина улыбнулась. Она была рада видеть подругу — приятное разнообразие после общения с испанцем. Они проболтали несколько часов. Им было по двадцать пять лет, потом по двадцать два, потом по восемнадцать, потом по пятнадцать. Когда в дверь постучал Мелен, они добрались до двенадцати лет.

— Месье просит вас разделить с ним ужин.

— Я побегу, — заторопилась Коринна.

— Нет. Пойдем со мной.

— Меня не приглашали.

— Я тебя приглашаю.

— Мне что-то боязно.

— Не ломайся!

Сатурнина взяла подругу за руку и силой отвела в кухню. Молодая женщина вытаращила глаза от ужаса.

— Дон Элемирио, познакомьтесь, это Коринна,

моя подруга детства.

— Добрый вечер, мадемуазель. Выпьете бокал шампанского?

— Но я… мне надо домой. Я предпочитаю не возвращаться слишком поздно, мне далеко ехать, на электричке.

— Мой шофер вас отвезет.

— Вот видишь! — поддакнула Сатурнина.

— Вы наверняка не приготовили достаточно еды, — мялась Коринна.

— Это несерьезный разговор, — запротестовал хозяин.

— С каких это пор ты отказываешься от шампанского? — спросила Сатурнина.

Она приподняла бутылку из ведерка со льдом и воскликнула:

— «Лоран-Перье Великий Век»! Вы сделали отличный выбор! Я открою.

Дивясь, как запросто ее подруга обращается к серийному убийце, Коринна смотрела на нее во все глаза, пока та наполняла три фужера из толедского хрусталя.

— За что мы выпьем? — спросил дон Элемирио.

— Как вчера: за золото!

Коринне подумалось, что Сатурнина, похоже,

и сама слегка повредилась умом. Церемонность, ледяной тон, каким прежде ее подруга никогда не говорила, роскошь окружающей обстановки, мужчина, смотревший на Сатурнину как на икону в драгоценном окладе, — все это изумляло и пугало Коринну. Испанец поставил третий прибор и принес на стол блюдо омаров. Гостья так растерялась, что воскликнула:

— Скорпионы!

— Ты что, никогда не ела омаров? — рассмеялась Сатурнина.

— Ела. Конечно же.

Они принялись за еду. Коринне никак не удавалось разделать омара. Подруга ей помогла. Когда они отделяли клешню, струя сока брызнула прямо в глаз дону Элемирио. Сатурнина расхохоталась.

— Извините меня, умоляю! — воскликнула Коринна, вся дрожа.

— Все в порядке, — добродушно отозвался хозяин. — Вы давно дружите?

— С атенеума, — ответила Коринна.

— Что, простите?

— Атенеум, — вмешалась Сатурнина, — это средняя школа в Бельгии.

— Какое дивное слово! Стало быть, вы обе учи-

лись под эгидой Афины.

— В самом деле, — кивнула Сатурнина. — Афина — богиня мудрости. Держитесь начеку, дон Элемирио.

— Чем вы занимаетесь? — спросил хозяин Коринну.

— Работаю в «Евро-Диснейленде».

— О чем идет речь?

— Это парк аттракционов. Я выстраиваю очереди во Дворец ужасов.

— Что за странная судьба привела ученицу Афины во Дворец ужасов?

— Сначала я работала в парке Валиби, в Бельгии. Потом подвернулось место в «Евро-Диснейленде». Там лучше платят.

— Вам нравится ваша работа?

— Нет.

— Почему же тогда вы ею занимаетесь?

— Это лучше, чем служить кассиршей в супермаркете «Карфур».

Дон Элемирио посмотрел на двух молодых женщин, словно недоумевая, что у них может быть общего. Сатурнина возненавидела его в эту минуту. Коринна, ощутив ее неловкость, сказала:

— В двенадцать лет Сатурнина уже была первой, а я последней в классе.

— Я тоже был последним в классе.

— Да, но вы-то могли себе это позволить, — заметила Коринна.

Сатурнина рассмеялась.

— Простите, — сконфузилась Коринна. — Я сказала что-то невежливое?

— Нет, ты просто сказала правду.

Не в силах проглотить ком в горле, гостья перестала есть.

— Можно мне закурить? — спросила она.

— Пожалуйста, — разрешил хозяин.

Коринна достала из кармана пачку сигарет и зажигалку. Сатурнина и дон Элемирио тоже взяли по сигарете. Все трое курили молча, глядя на сотрапезников. Это были на диво приятные минуты.

Когда Сатурнина прощалась с подругой, та сказала ей:

— Как ты с ним разговариваешь!

— Как он того заслуживает. Разве нет?

— Да. Знаешь, он вообще-то славный.

— Ты находишь?

— Ты в него не влюбишься?

— С ума сошла?

Они обнялись. Коринна села в «бентли», и машина укатила.

— Мне очень понравилась ваша подруга, — сказал дон Элемирио Сатурнине на следующий вечер.

— Слова хлеба не просят.

— Опять бельгийское выражение?

— Нет. Этому выражению я научилась во Франции. Это значит, что вы запросто можете хвалить Коринну: вам это ничем не грозит и ни к чему вас не обязывает.

Испанец проигнорировал грубость.

— Она может приезжать когда захочет, — сказал он.

— Я на это рассчитываю.

— Я вам не нравлюсь, не так ли?

— От вас ничего не скроешь.

— Почему?

— Я представляю себе доктора Петио,[7] задающего такой же вопрос очередной женщине.

— Сегодня воскресенье. Я не видел вас утром на мессе.

— Я не верю в Бога.

— Как это возможно?

---

[7] Примечания: 7

Доктор Петио (Петио Марсель; 1897–1946) — парижский маньяк, во время войны убивший множество людей. В 1944 г. в его доме на улице Ле Сюер были найдены останки двадцати семи человек. После громкого судебного процесса казнен на гильотине в 1946 г. Его история легла в основу фильма «Доктор Петио», снятого в 1990 г.

— А вы бы верили в Бога, если бы так не нуждались в Его прощении?

— Я верил всегда.

— Это ваше воспитание.

— Нет, это от природы.

— Почему же это не помешало вам… открыть дверь темной комнаты?

— Какая связь?

— Почему вы не защитили этих женщин от них самих? Католичество — это ведь религия любви, не так ли?

— Любовь — это вопрос веры. Вера — вопрос риска. Я не мог устранить этот риск. То же самое сделал Бог в Эдеме. Из любви к своему созданию он не устранил риск.

— Довольно странная логика.

— Нет. Высшее доказательство уважения. Любовь предполагает уважение.

— То есть вы считаете себя Богом?

— Любить — значит быть Богом и принимать Бога в себе.

— Вам место в дурдоме.

— А что для вас любовь?

— Я не знаю.

— Вот видите, вы критикуете, а сами не можете ничего предложить.

— Так, на мой взгляд, лучше.

— Вы никогда не любили?

— Пожалуй, нет.

— Вот увидите, когда это с вами случится, вы сами себя не узнаете.

— Возможно. Но такой, как вы, я не буду.

— Как вы можете это утверждать?

— Я знала людей, которые любили. Не все они были чудовищами.

— Вы полюбите меня.

— Как вы можете быть столь самоуверенны?

— Любить — значит быть Богом и принимать Бога в себе.

— Будь это правдой, все любящие были бы любимы в ответ.

— Нет. Бог не всегда любим. Но вы… вы слишком прекрасны, чтобы не любить Бога.

— Согласимся с вашей логикой. Если бы я вас любила, я тоже была бы Богом и принимала бы Бога в себе. А если бы я была Богом, то отправила бы вас в ад, в который я не верю, но верите вы.

— Нет, если бы вы были Богом, то сжалились бы надо мной.

— А вы сжалились над этими несчастными женщинами?

— Конечно.

— Иезуит!

— Иезуиты мне нравятся, хоть я и предпочитаю суд святой инквизиции.

— Я могла бы посмеяться над вашими мнениями, если бы не знала их пагубных последствий.

— Что вы думаете о чрезмерном любопытстве?

— Понимаю, куда вы клоните.

— Ответьте же.

Вздохнув, Сатурнина проговорила:

— Терпеть не могу чрезмерного любопытства. Это гнусно.

— Вот видите!

— И все-таки есть нечто хуже любопытства. Есть люди, считающие себя вправе карать любопытных. Вашей казуистикой вы меня не переубедите. Я не знаю ничего хуже вашего самодовольства.

— А как бы вы поступили на моем месте?

— Заперла бы комнату на ключ, если бы не хотела, чтобы в нее заходили.

— Вы изначально поставили бы крест на доверии?

— Я не витала бы в облаках. Я смирилась бы с человеческой натурой.

Дон Элемирио с задумчивым видом отпил глоток «Дом Периньона» 1976 года и произнес:

— Так молода и уже во всем разочарована!

— Сами видите, до чего довел вас блаженный оптимизм.

— Хорошо. Представьте себе: я последую вашему совету и запру дверь на ключ. Квартиросъемщица обшарит весь дом до последнего уголка и рано или поздно ключ отыщет. Стало быть, она все равно войдет в темную комнату. Каковы будут тогда ваши действия?

— Никаких действий.

— Как это — никаких?

— Я буду разочарована. Сердита. Огорчена. Но я ничего не стану делать.

— Мы понимаем друг друга.

Сатурнина поморщилась и сказала:

— Если бы мы с вами не пили лучшее в мире шампанское, я бы немедленно ушла при виде такого криводушия.

— Так возьмите бутылку в свою комнату.

— Терпеть не могу пить одна. Предпочитаю самое худшее общество.

— У вас все в превосходной степени!

— А есть мы сегодня не будем?

— Будем. Остались скорпионы, как выразилась ваша подруга. Еще день они не простоят.

— Давайте скорпионов.

Дон Элемирио достал из холодильника омаров.

— Что мне еще в вас нравится, так это ваш тон. Вы велите мне заказать шампанское. Вы говорите: «Давайте скорпионов». Мне так сладостно вам повиноваться.

— Я такая только с вами.

— Так я избранный!

— В вашем присутствии со мной это происходит само собой.

— Быть может, это первые ростки любви?

— Вряд ли. Но мне нравится показывать вам, что я вас не боюсь.

— Меня никто не боится. Я кроток как агнец.

— Смеетесь? Коринна перед вами дрожала от страха.

— Эта ученица Афины? Эта весталка из Дворца ужасов?

— А между тем она не из пугливых. Все женщины вас боятся. Это их и притягивает — куда больше, чем ваш титул гранда.

— Вы-то ведь не боитесь. Вы не боитесь меня, потому что чувствуете, насколько я безобиден.

Сатурнина закатила глаза, продолжая разделывать омара.

— Откуда у вас такое красивое имя?

— От бога Сатурна. Это римский аналог грече-

ского Кроноса, титана, отца Зевса.

— В ваших краях, я смотрю, ни в чем себе не отказывают.

— Надо же, именно вы это говорите! Прилагательное «сатурнический» противоположно прилагательному «жизнерадостный». Сатурн слыл печальным, не в пример своему сыну, весельчаку Юпитеру, который невзлюбил его за меланхолию и прогнал с небес старика отца.

— Вот и имей детей после этого! А вы склонны к меланхолии?

— Нет.

— Это, может быть, еще придет.

— А что значит Элемирио?

— Не знаю. В арабской этимологии так трудно разобраться.

Он наполнил фужер молодой женщины, и та тотчас подняла его.

— Чистый бархат это шампанское. Золотой бархат. Невероятно, — проговорила она.

Вернувшись на следующий день из Школы Лувра, Сатурнина обнаружила на кровати большую коробку. Внутри оказалась длинная юбка из золотистого бархата и записка: «На память о вчерашнем шампанском. Надеюсь, что размер вам подойдет». Подпись: дон Элемирио Нибаль-

и-Милькар.

На мгновение Сатурнина заколебалась, может ли она принять подарок. Эту бесчеловечную мысль она тотчас отмела: роскошная ткань внушила ей такое желание, что не удовлетворить его было бы жаль до слез. Она скинула одежду.

В шкафу нашлась черная блузка-корсаж; Сатурнина облачилась в нее, затем, затаив дыхание, надела юбку: ткань облегала ее стан так идеально, словно влюбленно обнимала. Черные туфельки на высоких каблуках довершили ансамбль.

В большом зеркале она увидела дивную картину. «Никогда в жизни я не носила такой элегантной одежды», — подумалось ей.

Она бесконечно долго созерцала свое отражение и гладила рукой бархат, трепеща от удовольствия. Юбка сияла и переливалась золотом.

Когда Мелен позвал ужинать, Сатурнина бегом побежала к испанцу. Он посмотрел на нее, как на чудесное видение, и воскликнул:

— Вы совершенство!

— Вы угадали мои размеры. Сразу видно дамского угодника.

— Если б вы знали, до чего мне не подходит это определение!

— Насколько мне известно, у вас было как ми-

нимум восемь женщин. Это немало.

— Что вы подразумеваете под этим «у вас было»?

— Этот разговор, пожалуй, становится неуместным. Где вы достали эту великолепную юбку?

— Я сшил ее своими руками.

Сатурнина застыла, не поверив своим ушам.

— Шитье тоже моя страсть. Удалившись от мира, я купил швейную машинку. Нынешняя одежда приводит меня в отчаяние своей вульгарностью. В моей нет ничего особенного, скажете вы. Вот уже двадцать лет, как такого «ничего особенного» днем с огнем не сыщешь. На эти брюки, например, ушло три часа работы. Сегодня с утра я послал Илариона на поиски лучшего золотистого бархата. Пять часов спустя Мелен положил вам на кровать мое произведение. Мы можем назвать ее «юбка-шампанское».

— «Юбка „Дом Периньон“», с вашего позволения.

— После пяти часов шитья у меня не было сил стряпать. Мелен принес нам деликатесы от Петросяна: икру, блины, сметану и водку. Вы не обидитесь, если мы обойдемся сегодня без шампанского?

— Вы шутите. Я всегда мечтала поужинать

икрой с водкой.

— А ваша юбка сыграет роль шампанского. Я заметил, что вы не пользуетесь холодильником, который я предоставил в ваше распоряжение, и позволил себе сложить туда часть наших запасов.

Он открыл холодильник, чтобы показать Сатурнине содержимое: в неоновом свете обнаружилось внушительное количество бутылок с этикетками лучших марок.

— Холодильник для шампанского! — вскричала она.

— Берите, когда вам захочется. Один совет, — добавил он. — Не глотайте икру, прежде чем выпьете водку. Лучше всего раскусывать икринки, смешивая их с ледяным алкоголем.

Она принялась за еду, старательно соблюдая ритуал, и зажмурилась от наслаждения.

— Вы правы, так намного лучше. Но мы закончим этот ужин мертвецки пьяными.

— Святая Русь нас к этому обязывает, — со значением произнес дон Элемирио.

Сатурнина сосредоточилась на удовольствии. Нет ничего более возбуждающего, чем такая пища. Полчаса спустя она ощутила необычайный душевный подъем.

— Вы богаты, имеете дом, достойный фараона, в сердце Парижа, хорошо готовите, волшебно шьете — вы были бы идеальным мужчиной, если бы не ваш… порок.

— Торговля индульгенциями?

— Вот именно, — сказала она смеясь.

— В числе моих достоинств вы забыли упомянуть, что я самый знатный человек в мире.

— Это я отношу к числу ваших недостатков. В принципе мне это безразлично, но так гордиться своей знатностью, как вы, нехорошо. А вы шили одежду для всех ваших женщин?

— Конечно. Задумать одеяние для тела и для души, скроить его, сшить — это высший акт любви.

Под действием алкоголя Сатурнина расслабилась, поэтому не перебивала его.

— Каждая женщина требует особенной одежды. Нужно быть чрезвычайно внимательным, чтобы это прочувствовать, уметь смотреть, слушать. И главное — не навязывать свои вкусы. Для Эмелины я сшил платье цвета дня. Эта деталь из сказки «Ослиная шкура» не давала ей покоя. А ведь надо было еще решить, о каком дне идет речь — о дне парижском, например, или китайском — и в какое время года? У меня здесь есть «Универ-

сальный каталог колоритов», классификация, составленная в 1867 году женщиной-метафизиком Амели Казус Белли, — всеобъемлющий и незаменимый труд. Для Прозерпины я сделал шапокляк из кружев Кале. Я вырвал у себя волосы, чтобы придать этой тонкой материи упругость, но также и гибкость, которая необходима для шапокляка. Смею сказать, мне это удалось. Северина из Севра, суровая, как северянка, была хрупка, как севрская статуэтка: я создал для нее накидку, которую назвал «катальпой»: ткань ее нежнейшей голубизны ниспадала, подобно цветам этого дерева весной. Инкарнадина была дочерью огня: это нервалевское создание удостоилось жакета цвета пламени, настоящей пиротехники из органди. Надевая его, она меня воспламеняла. Терпентина писала диссертацию о гевее. Я расплавил автомобильную шину, чтобы сделать для нее пояс-корсет, придавший ей восхитительную осанку. У Мелюзины были глаза и фигура змеи — она получила длинное, до пят, платье-футляр без рукавов, с высоким воротником. Я готов был выучиться играть на флейте, чтобы заклинать ее, когда она была так одета. Альбумина, по причинам, в которые я не считаю нужным вдаваться, дала мне веский повод для

создания блузки под названием «яичная скорлупа» с воротником-меренгой из пенополистирола — это были настоящие брыжи. Я ратую за возвращение испанских брыжей, ничто так не оттеняет лицо. Что же до Дигиталины, ядовитой красы, я придумал для нее мерные перчатки. Длинные, выше локтей, перчатки из пурпурной тафты, на которые я нанес деления, дабы проиллюстрировать латинское изречение Парацельса: «Dosis sola facit venenum» — «Только доза делает яд ядом». Почему вы смеетесь?

— Прогноз ясен: следующую после меня квартиросъемщицу будут звать Маргариной, и вы изобразите для нее муфту из чистого жира.

— Для вас нет ничего святого.

— Простите меня, это водка виновата. Так, значит, вы помните всех ваших женщин?

— Это не мои женщины. Речь идет о женщинах, которых я любил.

— И все они были вашими квартиросъемщицами.

— Да. Квартиросъемщица — идеальная женщина. Ну, почти.

— Это «почти» — зловещая литота. Когда же вы начали сдавать квартиру, если вам угодно так это называть?

— Восемнадцать лет назад. Двадцать лет я не покидаю этот дом. Нехватка женщин не замедлила на мне сказаться — надо было искать выход. Я нашел его, читая газету, что случается со мной нечасто: в разделе объявлений я увидел рубрику «Сдаю квартиру». У меня глаза полезли на лоб. Осталось только опубликовать объявление. Такого успеха я даже не ожидал.

— Ваши родители умерли двадцать лет назад, не так ли?

— Да. Трагический несчастный случай. Мой отец, дон Деодато Нибаль-и-Милькар, обожал собирать грибы. В лесу Фонтенбло он набрал целую корзину пестрых зонтиков и собственноручно их приготовил.

— Классический случай: это были грибы, похожие на съедобные, но смертельно ядовитые, а вы единственный к ним не притронулись.

— Наоборот, я съел больше, чем мои родители. Меня спасли индульгенции.

— Не понимаю.

— Я же вам сказал: когда я даю золото моему духовнику, то перевариваю все. Мой отец не одобрял продажу индульгенций. Среди ночи моя мать пожаловалась на боли в желудке: грибы жарились в сливочном масле. Отец, чувствовав-

ший себя немногим лучше, пошел за питьевой содой. Вот только он перепутал: вместо соды взял нитраты, которые использовал для удобрения своих роз. Он дал хорошую дозу нитратов жене, а потом и сам проглотил свою порцию. Через несколько минут весь дом проснулся от взрыва: мои родители лопнули.

— По-настоящему?

— Да. Это было душераздирающее зрелище: куски испанских грандов висели на люстре и на балдахине кровати. Потому-то я и рассчитал всю прислугу. Как прикажете добиться уважения от челяди, которая собирала ошметки ваших родителей?

Сатурнина нахмурилась в задумчивости, а потом воскликнула:

— Я вам не верю! Придумали бы более правдоподобную ложь. Это вы убили родителей!

— Вы с ума сошли! Я их обожал. Как я мог поднять руку на моего благородного отца, на мою святую мать?

— С вас и не такое станется.

— Прекратите ваши фантазии. Вы меня оскорбляете. Я скромно похоронил моих родителей на Шароннском кладбище. Тогда в последний раз я покинул пределы этого дома.

— Постойте, в вашей истории концы с концами не сходятся. Вы же не могли спросить отца, так откуда вы знаете, что он хотел принять питьевую соду?

— При расстройствах пищеварения он полагался только на это средство.

— У вас нет никаких доказательств, что он хотел принять эту соду и что перепутал ее с нитратами.

— Действительно нет. Но это очевидно.

— Вы так думаете?

— Нитраты стояли рядом с содой, в точно такой же банке.

— Странная расстановка.

— Нет. Розы росли на террасе, примыкающей к ванной комнате.

— Полиция занималась этим делом?

— Да. Она вынесла заключение о несварении желудка.

— Вы случайно не купили и у нее индульгенцию?

— Это не тема для шуток. После смерти родителей я решил, что не буду жить, как они. Они много бывали в обществе и без конца принимали гостей. Я этого не мог и не хотел. Мне удалось создать обособленный мир. Моим стремлением

было стать яйцом.

— И тут-то вас настигла ваша одержимость женщинами.

— Одержимость — это, пожалуй, преувеличение. Скажем так, яйцу требуется, чтобы его высиживали.

— Ну и метафоры у вас!

— Когда я опубликовал первое объявление, пришли четыре девушки.

— Эти кастинги дали вам ощущение власти, не так ли?

— Я, в сущности, никогда не выбирал. Как и в случае с вами, выбор был очевиден, единственный выбор. Эмелина не была самой красивой из всех — она была единственной и красивой. Позволю себе вам заметить, что в ту пору у меня еще не было нынешней скандальной репутации, что, однако, не помешало женской братии прибежать сюда бегом.

— В меньшем количестве.

— Естественно. Я влюбился в Эмелину, и она в меня. Все мои квартиросъемщицы влюблялись в меня быстрее, чем я произношу эти слова. Кроме вас. Порой я думаю, не потому ли это, что вы бельгийка.

— Честь и хвала моей стране.

— Не ее ли называют «плоским краем»? По-бельгийски плоско, не так ли?

— Это у вас плоские мысли.

— Я думал, что счастье будет вечным. Эмелина была фаготисткой. Фагот никогда не услышишь без других инструментов. Женщины — это оркестр. Можно наслаждаться совместным звучанием очень долго. А потом однажды вдруг решаешь отделить одну исполнительницу. Вслушиваешься — и внезапно различаешь фаготистку, настолько прекраснее всех, что хочется слушать только ее музыку. Даже в симфонии слышишь теперь один лишь фагот. Вскоре скрипки, фортепьяно и голоса начинают звучать для тебя какофонией, и приходится просить фаготистку прийти, чтобы исполнять для тебя вечное соло на дому.

— И вот тут-то вам пришла в голову пагубная мысль о темной комнате?

— Вы упрощаете.

— Как бы то ни было, фотографии — это вздор. Я ни разу не видела, чтобы вы фотографировали.

— Я жду вдохновения.

— Вы вообще не похожи на фотографа. Я наблюдала за вами. Никогда вы не ловите кадр глазами, никогда не молчите перед приглянувшейся

картиной. Наоборот, вы говорите, говорите без умолку. Пари держу, что вы в жизни не прикасались к фотоаппарату.

— Ловкая провокация, чтобы я показал вам мои снимки.

— Ни в чем-то вы не сомневаетесь. Я бы обложила налогом самодовольство.

— Да, мысль о темной комнате пришла мне в тот период. Это логично. Холостяку она не нужна. Необходимость возникает, когда готовишься разделить жизнь со своей любовью. Вы, насколько мне известно, никогда не любили, тем более у вас нет опыта совместного проживания в любви. Знайте же, не так это просто.

— Когда в шалаше тридцать комнат, как здесь, наверно, попроще будет, не правда ли?

— Все только сложнее. Где начинается ваша территория, где кончается чужая? У любви такая география, какая и не снилась военным картографам. Мне кажется, в однокомнатной квартирке угроза кризиса столь велика, что паре изначально приходится прилагать массу усилий: это вопрос жизни и смерти.

— С вами особенно это вопрос жизни и смерти. Вы доказали, что все зависит от характера, а не от жилой площади.

— Когда это случится с вами, сами увидите. Говорят, что любовь — это слияние. Под одной крышей так не всегда получается.

— Вы сами виноваты. Не реши вы по-глупому не выходить из дома, вам не было бы так тесно вдвоем.

— Мне нравится, как вы рассуждаете ex cathedra[8] о том, о чем не имеете представления. Вы не думаете, что у каждого человека есть право на свою темную комнату?

— Меня возмущает, что из ваших уст это звучит как угроза.

— Всякое право предполагает кару в случае нарушения. Это так и не иначе.

— Кара должна быть соразмерна. В вашей системе наказание куда хуже преступления.

— Это не моя вина.

— Вот почему я не желаю вести с вами этот разговор. Кончится тем, что я поверю в генетику: ваше криводушие подлинно карфагенское. Если вина не ваша, то чья же?

— Той, что нарушает запрет.

— Ужасный ответ. Бесчеловечный.

— Аристократический ответ.

---

[8] Примечания: 8

Букв.: с кафедры; здесь: непререкаемо *(лат).*

— Ваше поведение напомнило мне об одной истории. Случилось это в Бельгии несколько лет назад. Дети, играя, вытоптали кукурузное поле. Рассерженные фермеры, увидев это, обстреляли их из карабинов, тяжело ранив несколько малышей. В теленовостях журналист брал у них интервью: «Разве можно стрелять в детей?» И фермеры в один голос отвечали: «Нечего было ходить в кукурузу». В вашем поведении нет ничего аристократического, это логика быдла.

— Бельгийское телевидение начинает мне нравиться.

— Вы все время увиливаете, это невыносимо. Я пойду спать.

И Сатурнина ушла, не слыша, что бормотал ей вслед дон Элемирио:

— Это не я увиливаю, это вы уходите. И как вы можете сравнивать мои тайны с кукурузой? И все же сегодня вечером я одержал победу: ведь вы надели юбку. Хотя мы с вами наверняка вкладываем в это разный смысл.

Как люди влюбляются? Это самое таинственное явление на свете. Любовь с первого взгляда — наименее необъяснимый вариант этого чуда: если мы не любили раньше, то лишь потому, что не знали о существовании любимого.

А вот «удар молнии» замедленного действия — колоссальнейший вызов разуму. Дон Элемирио влюбился в Сатурнину, когда она восхитилась сочетанием желтого цвета с золотом. Можно понять раздражение молодой женщины: полюбить ее за это? Однако в том не было вины испанца. Пути любви неисповедимы.

Сатурнина вернулась в свою комнату и сняла юбку. Только теперь она обратила внимание на подкладку: дон Элемирио выбрал для нее желтую ткань, несравненно шелковистую. Она вспомнила свои слова о желтом с золотом, и, помимо ее воли, что-то внутри нее дало сбой.

Она села на кровать и погладила подкладку. Трепет волнения охватил ее. Она вывернула юбку наизнанку, обнажив всю ее желтизну. Взору открылось дивное нутро. Нежнейшее прикосновение ткани к ладоням, а потом и щекам Сатурнины привело ее в смятение.

Она присмотрелась к работе портного. Шов говорил об идеальном равновесии мастерства и чувства. Подкладка была идеально пришита, однако легко определялись на глаз зоны волнения на изгибе бедра, во впадинке талии. Молодая женщина вспомнила ощущение объятия, которое испытала, застегнув на себе юбку несколько

часов назад. Что за чудо, сотворенное швейной машинкой?

В отчаянии она убрала подарок в шкаф и решила больше о нем не думать. Легла, погасила свет — и ни о чем другом думать не могла. «Сколько утонченности, внимания, чувства!» — умилялась она. А в следующую секунду одергивала себя: «Никогда еще я не презирала его так, как сегодня вечером! Я хорошо его уела, рассказав историю про кукурузное поле! Тоже мне аристократизм — укокошить несчастных женщин, чьим единственным преступлением было любопытство к человеку, в которого они имели глупость влюбиться!»

Всю ночь Сатурнина вела этот мысленный диалог, взвешивала все за и против, теша себя иллюзией, будто владеет ситуацией. Влюбившись, всегда споришь с собой задним числом, как будто еще можешь не позволить себе эту нелепицу. Молодой женщине не повезло: она влюбилась в человека весьма подозрительного, так что спор был бурным — и бесполезным.

Непоправимое уже случилось.

На следующее утро Сатурнина сознавала всю тяжесть своего недуга. Она переоценила себя, когда думала, будто ничем не рискует, проживая

с этим человеком под одной крышей. «Я такая же дура, как все остальные!» — негодовала она.

Мысли ее непрестанно крутились вокруг случившегося. «Никогда больше не надену эту юбку», — клялась она себе в метро. В Школе Лувра она отчитала попавшегося под горячую руку студента, который курил.

— Что на вас нашло? — удивился парень.

— Это запрещено.

— Ну и что? Вы сто раз видели меня с сигаретой.

— А в сто первый видеть не желаю, — отрезала она.

Сатурнина сама себя ненавидела за раздражительность. Вернувшись в свою комнату, она бросилась на кровать и попыталась собраться с мыслями. Но думать больше не хотелось: она посвятила этому занятию много часов, так ни до чего и не додумавшись. После бессонной ночи глаза ее закрылись сами собой, и молодая женщина провалилась в забытье, из глубины которого до нее доносились слова: «Смерть — не исчезновение», «С чего вы взяли, что я их наказываю?», «Я кроток как агнец», «Я безобиден».

Сатурнина приоткрыла глаза и заговорила сама с собой: «В самом деле, я его не боюсь. А что,

если я права?»

И вдруг она села на кровати, вытаращив глаза: «Он их не убивал! Квартиросъемщицы исчезли, это их дело, он, наверно, и не знает, где они! Они вошли в темную комнату, разочаровали его, но он их не наказывал. Они просто ушли, не выдержав его презрения».

Она мысленно перебрала все их беседы. Даже зловещее: «Если вы войдете в эту комнату, я об этом узнаю и вам не поздоровится» — прозвучало не угрозой, а предупреждением. Если нарушение запрета принесло им несчастье, дон Элемирио был тут ни при чем. Что же в ней такое могло быть, в этой окаянной темной комнате? Во всяком случае не восемь трупов, вопреки тому, о чем она постоянно думала. Наверно, какая-то страшная тайна. Разве испанец не имеет права на страшную тайну?

А можно ли, задумалась Сатурнина, скрывать страшную тайну, не будучи ни в чем виноватым? Ей показалось, что можно. Например, он мог хранить в этой комнате доказательства жестокого нападения, которому подвергся сам. Или, скажем, создал произведение искусства дурного вкуса, но необходимое для его душевного равновесия. Ее воображения не хватило, чтобы перечислить

все гипотезы.

Сколько раз дон Элемирио пытался убедить ее в своей невиновности? Ни разу она не пожелала его выслушать. Она принудила его к молчанию, поносила, хаяла без малейших на то доказательств, а он, оклеветанный, даже не возмутился.

Перебрав все это в уме, Сатурнина пришла к выводу, что влюбилась в душевнобольного, в самодовольного типа, в человека в высшей степени несуразного — но не в убийцу. И, решив так, испытала, помимо облегчения, незнакомую прежде радость.

«Сохраняй трезвую голову, — увещевала она себя. — Тебя бросает из крайности в крайность. Презумпция невиновности — вещь хорошая, но никакой уверенности у тебя нет. Единственно достоверно то, что ты не знаешь, с кем имеешь дело, и надо держать ухо востро».

Из этого следует, что дон Элемирио был прав по крайней мере в одном: Сатурнине действительно покровительствовала Афина.

Когда ее позвали к ужину, молодая женщина постаралась войти в кухню как можно спокойнее и выглядеть как можно естественнее. Дон Элемирио встретил ее взглядом, который впервые не показался ей странным.

— Вы не надели сегодня юбку?

— Не каждый же вечер, — сухо ответила Сатурнина.

«Ты не обязана быть до такой степени нелюбезной», — мысленно одернула она себя.

— Выберите шампанское. Вы у себя дома.

Сатурнина открыла холодильник и принялась с интересом читать этикетки.

— «Тэтенже Конт де Шампань», — объявила она. — Открываю?

— Прошу вас.

Она наполнила все те же фужеры и увидела, как заиграл золотом хрусталь. Они произнесли привычный тост и выпили.

— Это мое любимое! — воскликнул он.

Ей шампанское показалось изумительным, но чуточку резковатым. Она оставила это мнение при себе, чтобы не задеть лишний раз восторженного испанца.

— Я приготовил сарсуэлу, — объявил он.

— Что это такое?

— Попросту говоря, это паэлья без риса. Обычно туда кладут много омара, но, поскольку мы только что ели его дважды подряд, я заменил этот ингредиент спаржей.

— Не вижу связи.

— Ее и нет. Это чтобы подчеркнуть абсурдность глагола «заменить». Понятие замены лежит в основе краха человечества. Возьмите Иова…

— Опять не вижу связи.

— Я положу вам побольше, потому что уже заметил, что вы, не в пример большинству женщин, не притворяетесь, будто едите как птичка.

У Сатурнины, не далее как вчера влюбившейся, совсем не было аппетита, но она решила скрыть этот симптом.

— Так вы говорили об Иове.

— Да. Бог отнял у него жену и детей. Иов возроптал, но потом понял, что никто ему не обязан, и сказал: «Хвала Господу». Когда Бог решил, что Иов достаточно помучился, он вернул ему не его жену и его детей, но просто жену и детей. Но и тут Иов не жаловался: он принял замену. Из чего следует, что человечество уже тогда оставляло желать лучшего.

— Вы, католик до мозга костей, как вы терпите такие ужасы в Библии?

— Это реализм. Мне нравится, что наша Священная книга не дает нам ни малейшего повода для иллюзий относительно человеческой натуры.

— А что она показывает вам Бога мерзавцем

— это вас не смущает?

— Я вижу это иначе. По мне, так Бог испытывал Иова. Иов сам дурак, что согласился на замену.

— Нет. Иов боялся, он знал, как глубоко порочен Бог, и не смел роптать. Он думал, что, если станет жаловаться, Бог ему еще и не такое устроит. К тому же мне кажется возмутительным, что Бог испытывает свое создание.

— Испытывают всегда тех, кого любят.

— Нет. Кого любят — оберегают.

— Это материнская любовь. Она хороша для детей. А Бог обращается к взрослому человечеству.

— Вот как? Почему же тогда Бог сам ведет себя так по-детски? Он обидчив, капризен и мстителен.

— В Ветхом Завете. В Новом он идеален.

— Идеален Иисус. А Бог его распял.

— Его распяли люди.

— Бог считает, что это цена за искупление грехов. Он зол и мелочен.

— Прекратите богохульствовать.

— Почему? Чем я рискую?

— Вы оскорбляете Бога.

— Он тоже меня оскорбляет. Если Он меня создал по образу и подобию Своему, то я имею те же права, что и Он. Тут уж вы точно не станете мне

возражать. Вы ведь считаете себя Богом.

— Только когда я люблю.

На это у Сатурнины не нашлось ответа. Она сменила тему:

— Очень вкусная ваша сарсуэла. Не знаю, как с омаром, но со спаржей просто изумительно.

— Это потому, что я не приемлю понятия замены. Вот смотрите: я влюбился в вас. Вы моя девятая квартиросъемщица. Восемь женщин, которые были до вас, вы не заменяете. Я продолжаю их любить. Каждый раз любовь нова. Для каждого раза был бы нужен новый глагол. Однако глагол «любить» подходит, ибо в нем есть напряжение, присущее всякой любви, которое один лишь этот глагол может выразить.

Сатурнина не моргнув глазом слушала, как он описывает свое состояние.

— А раньше, когда были живы ваши родители, вы любили?

— Начинал. Того мальчика, в шесть лет, которому я дарил столовое серебро. Такая вот жалкая история любви. Нет, повторяю, только с квартиросъемщицами я узнал, что такое любовь, настоящая. Уж не знаю, как это удается другим. Аренда квартиры в этом смысле — идеальная схема, по крайней мере для меня.

— А при жизни вашего отца вы могли бы это устроить?

— Вряд ли. Даже если предположить, что он бы мне позволил, я бы скорее всего не осмелился. Надо признать, что родители — самая антиэротическая инстанция на свете.

Сатурнина подумала, что такие рассуждения делают дона Элемирио все более подозрительным в ее глазах, и с досадой констатировала, что ищет ему оправдания.

— Я выбрал спаржу не случайно, — снова заговорил дон Элемирио. — Вы напоминаете мне спаржу. Вы длинная и тонкая, ваш запах не похож ни на какой другой, и ничто на свете не сравнится с совершенством вашего лица.

Комплимент, который разозлил бы ее еще вчера, на сей раз глубоко тронул. Как это ужасно — быть влюбленной! Она чувствовала себя такой беззащитной, словно с нее заживо содрали кожу. Вот несчастье-то! Сатурнина укрылась за бокалом шампанского, надеясь, что вино не ослабит еще больше ее защитные механизмы.

— Вы что-то сегодня неразговорчивы, — заметил дон Элемирио.

— Я плохая собеседница, я же вас предупреждала. Это не страшно. Вы-то, как всегда, говорите

за четверых.

— Только когда я люблю. «От избытка сердца говорят уста»[9] — сказано в Библии.

Сатурнина прекрасно его понимала. Она чувствовала, что вела бы себя точно так же, даже если бы у нее не было необходимости таиться: стоило лишь открыть шлюзы, и слова хлынули бы бесконечным потоком. «Когда я получу доказательство его невиновности, дам себе волю», — решила она. Что это могло быть за доказательство? Она понятия не имела.

— Как вы утешились после… исчезновения тех восьми женщин, которых вы любили? — спросила она.

— Разве, по-вашему, я выглядел утешившимся, когда мы с вами познакомились? Вот мой ответ: я так и не утешился.

— Сейчас вы выглядите вполне утешившимся.

— Отнюдь. Я люблю вас, что требует всей моей энергии в настоящем времени. Это заглушает мою печаль, но не избавляет меня от нее.

— Как грустно.

— Вовсе нет. Я рад, что те любови оставили отпечатки. Эти следы мне дороги. И они не толь-

---

[9] Примечания: 9
Лк. 6:45.

ко не мешают мне любить вновь, но, наоборот, питают мою любовь к вам. Это благодать скорби.

Слово «скорбь» поразило ее. В следующее мгновение ей подумалось, что оно не обязательно подразумевает смерть. Ей достаточно задать ему вопрос, и он все ей объяснит. Раньше она об этом не спрашивала, потому что верила в его виновность. Теперь же не стала, потому что слишком хотела, чтобы он оказался невиновен.

— Вы лжец?

— Я никогда не лгу, — тотчас ответил он.

— Ответ удручающий. Теперь, если я замечу у вас малейшее расхождение между словом и делом, никогда больше вам не поверю.

— Это правда, я никогда не лгу.

— Полноте! Люди лгут, сами того не замечая. Сколько раз, например, я говорила, что хорошо спала, когда на самом деле всю ночь глаз не сомкнула. Я не хотела лгать, я просто хотела, чтобы меня оставили в покое и не жалели. Все так лгут.

— Как любопытно! А вот я — нет.

— Вы осложняете мне жизнь. Как я смогу теперь вам верить?

— Этот вопрос решен давно. Вы мне не верите.

— Ошибаетесь. С сегодняшней ночи я решила вам верить.

«Ну вот. Я призналась. На сколько поспорим, что он этого не заметит?»

— Спасибо. Что же произошло сегодня ночью?

— Я увидела подкладку юбки, которую вы для меня сшили.

— Вы не представляете себе, какая это работа.

— Шитье…

— Нет, цвет. Сказать «желтая подкладка» — все равно что «красивая девушка»: никакого смысла. Красота — понятие столь же многозначное, как и желтый цвет.

— У вас же есть этот каталог девятнадцатого века, о котором вы мне говорили.

— В классификации Казус Белли, на мой взгляд, желтый цвет представлен неполно. Это самый субтильный из всех цветов — наверно, потому, что он ближе всех к золоту. Амели Казус Белли различает восемьдесят шесть оттенков желтого и всем дает названия.

— Но вы не нашли среди них свое счастье?

— Три желтых оказались близки: банановo-желтый, яично-желтый и цвет лютика.

— Вы их смешали?

— Это иллюзия невежд — думать, будто из смеси трех приближений родится идеал. Смешение оттенков дает, как правило, отвратительную

мешанину. Нет ничего более божественного, чем чистота цвета. Для вас я придумал восемьдесят седьмой желтый — цвет вашей подкладки. Я создал его с помощью математического приема, именуемого асимптотой. Цвет — кривая линия, асимптота — прямая, максимально к ней приближающаяся. Так в моей личной палитре родился асимптотический желтый. Такой желтый близок к метафизике: мне удалось зафиксировать чудо. Пестрота ацетата подошла для материализации этого цвета.

«Надо было поспорить, — подумала про себя Сатурнина. — Он ничего не понял. Зациклился на своем желтом как одержимый».

— Очень интересно, — вежливо сказала она вслух.

— Правда? А вы знаете, что желтый — цвет принцессы Клевской?

— Вы читаете и французских классиков? — выдавила она из себя, чтобы не выйти из роли.

— Только тех, чьи герои носят брыжи, символ испанского гения. Так вот, герцог Немурский носит цвета принцессы Клевской, и так она узнает, что любима им. А дальше герцог наблюдает за ней, когда она в своей комнате повязывает ленты того же желтого цвета на трость, которую стащи-

ла у него. Что восхитительно — он сразу верно истолковывает ее поведение: она влюблена в него. Я убежден, что это был тот самый асимптотический желтый, который воссоздал я.

«Может быть, он все-таки понял», — подумала Сатурнина.

— Вы, на свой лад, не так уж отличаетесь от принцессы Клевской, — заключил он.

Они ступили на минное поле. И Сатурнина, сославшись на усталость, ушла по-английски.

Всю прошлую ночь она почти не спала. Теперь же наступила реакция: молодая женщина провалилась в сон, как в колодец. Утром она была способна рассуждать здраво.

«Вчера он вызывал еще больше подозрений, чем обычно. Я должна принять его систему референций, иначе никогда ничего в нем не пойму», — подумала она.

После занятий она вернулась в дом Нибаль-и-Милькара и прошлась по всем дозволенным комнатам, присматриваясь к мельчайшим деталям. Неудовлетворенность ее в результате оказалась столь глубока, что она, не удержавшись, постучала в дверь комнаты дона Элемирио.

Когда она вошла, испанец изображал из себя дирижера, хотя никакой музыки не было. «Со-

всем спятил», — мелькнуло у нее в голове. Он не прерывал своего занятия, пока она тщательно осматривала все уголки, заглядывала в ванную и открывала шкафы.

Вечером за ужином он сказал:

— Мне кажется, я видел вас сегодня днем.

— Да. Я наведалась во все комнаты в этом доме. Я видела золотые доспехи, коллекцию брыжей, фантастические инкунабулы. Увы, того, что искала, я не нашла.

— Попробуйте это блюдо моего изобретения: скользкий угорь на постном масле.

Сатурнина, ни слова не говоря, наполнила свою тарелку.

— Вы никогда не лжете, — сказала она. — Стало быть, вы и вправду фотограф. Я пытаюсь думать вашими мозгами, что нелегко. Если бы я была фотографом и страстно любила восемь женщин, я бы их фотографировала. Однако же я не видела ни единой женской фотографии в этом доме, да и никаких других фотографий.

— Они в темной комнате, — ответил дон Элемирио.

— Темная комната — это место, где фотографии проявляют.

— А я их там же и выставляю.

— Вы запретили входить в эту комнату.

— И в этом мое величайшее достоинство, вы не находите? Нет ничего несноснее фотографов, непременно желающих показать вам свои произведения! Если бы еще они называли это так! Но нет, они не хотят показать свои произведения, они настаивают, чтобы с ними разделили их труд. Это просто невыносимо.

— Я бы хотела посмотреть сделанные вами фотографии.

— Я же сказал вам, что это невозможно.

— И вы никогда не фотографировали ничего другого?

— Что за мысль! Конечно нет.

— Для тренировки?

— Что может быть вульгарнее понятия черновика? Я горжусь тем, что сделал за свою жизнь ровно восемь фотографий.

— По одной на женщину? И не больше?

— Ни в коем случае. Истинное доказательство любви не в том, чтобы множить образы, но создать лишь один, совершенный.

— У женщины так много лиц. Я полагаю, у любимой женщины их еще больше. Как выбрать одно лицо из множества?

— Выбор очевиден для того, кто умеет ждать.

— Вы очень загадочны. Настанет и мой черед, не так ли?

Дон Элемирио вздрогнул:

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы то и дело повторяете, что любите меня. Значит, вы меня сфотографируете. Таким образом, ваш метод работы я рано или поздно узнаю на собственном опыте.

Повисла пауза.

— Вам не обидно, что никто не увидит эти фотографии?

— Если бы мне было обидно, я бы их не прятал, и вы же знаете, что самый скверный момент во время общения — это когда достают семейный альбом.

— Потому что фотографий чересчур много. У вас их всего восемь.

— Восемь поводов услышать глупые замечания.

— А если я — идеальный зритель?

— Даже будь оно так, мне это ничего не даст.

— Почему же? Взгляд со стороны на ваше творчество. Вам не кажется, что любому артисту он необходим?

— Нет. И уж меньше всех фотографу. Это искусство, которое особенно нуждается в тайне.

Музыкант или хореограф, думаю, будет страдать от отсутствия публики. Писатель любит, когда читают его книги. Фотографу же важен лишь его собственный взгляд.

— Что за аутичное восприятие фотографии!

— Все фотографы — аутисты. Если бы они это сознавали, мы были бы избавлены от многих вернисажей.

Сатурнина отложила вилку и задумалась.

— Если запрет на темную комнату касается этих восьми снимков, то у меня такой вопрос: наказание состоит в том, чтобы увидеть фотографии?

— Видеть чужие фотографии — всегда наказание.

— Перестаньте прикрываться банальностями. Я хочу знать, лежит ли угроза вне фотографии или фотография сама по себе угроза?

— Вы говорите непонятные вещи. Хотите стать критиком-искусствоведом?

— Уверена, вы понимаете, что я хочу сказать.

— Вы меня переоцениваете. Фотографией я занимаюсь чисто интуитивно. Я просто знаю, какое чувство хочу пробудить в себе самом.

— Вы часто заходите в темную комнату посмотреть на свои творения?

— Нет.

— Так их вообще никто не видит, эти фотографии!

— Кто вам сказал, что фотография нуждается в зрителе?

— Если на то пошло, будьте последовательны — не проявляйте их.

— Не один великий фотограф уже развивал эту теорию. Как звали того каталонца, который говорил: «Я знаю, что кадр снят, и я столько над ним работал, что мне не надо его видеть, чтобы знать, как он выглядит»?

— Предтеча цифровой фотографии, короче говоря.

— Не понимаю.

— Вы никогда не слышали о цифровой фотографии?

— Что это такое?

— Что ж, вам и в неведении неплохо. У вас есть компьютер?

— Нет.

— Сотовый телефон?

— Зачем он мне? Я никуда не выхожу.

— На чем вы слушаете музыку?

— Коллекция виниловых пластинок Нибаль-и-Милькаров в прекрасном состоянии.

— Заметьте, они сейчас снова в моде. Вы смот-

рите DVD?

— У моих родителей был телевизор. Я его сохранил. Он служит идеальной подставкой для моей коллекции статуэток Мадонн из Саламанки.

— Какая связь между DVD и телевидением?

— А вам нужна связь?

— Верно подмечено. До каких же пор я буду играть с вами в эту игру?

— Я не высовывал носа на улицу с девяносто первого года. С этого момента и считайте.

— В девяносто первом и даже раньше у многих были компьютеры.

— Гранды обходятся без них.

— Гранды — ладно. Но эти женщины, которые делили с вами жизнь последние двадцать лет, они пользовались современными технологиями?

— Я им этого не запрещал.

— Они не пытались приобщить вас?

— Возможно. Я как-то не замечал.

— А какой у вас фотоаппарат?

— «Хассельблад». У меня имеется изрядный запас пленки, больше, чем мне нужно.

— Время выдержки у этого аппарата, кажется, долгое, не так ли? Это нелегко для портретной съемки.

— В самом деле. Но за восемь сеансов я добился больших успехов.

Сатурнина поперхнулась, долго откашливалась и наконец икнула.

— Только восемь сеансов за всю вашу жизнь? То есть вы сделали всего восемь снимков?

— Я нажимал на спуск затвора только восемь раз.

— Я полный ноль в фотографии, но и то нажимала на спуск гораздо чаще.

— Может быть, потому вы и полный ноль в фотографии. Вы не осознавали всей значимости этого жеста. В любой дисциплине лучший двигатель — аскеза. Тому, кто хочет писать, дайте поменьше бумаги. Начинающему повару предложите три ингредиента. Сегодня дебютанты всех мастей располагают средствами в изобилии. Это им не на пользу.

— Восемь женщин — не так уж мало.

— Для любви или для фотографии?

— Какая из этих двух дисциплин для вас важнее?

— Я не провожу между ними грани. Цель любви, как представляется мне, — воплотиться в фотографию, единственную, абсолютную фотографию любимой женщины.

А цель фотографии — раскрыть всю любовь, которую испытываешь, в единственном изображении.

— Мне все больше и больше хочется их увидеть, эти восемь фотографий.

— Вы их не увидите.

— Вы любите меня. Вы меня сфотографируете. По крайней мере я узнаю, как вы это делаете.

Хозяин ответил на это уклончивой миной, однако Сатурнина продолжала:

— Когда я была маленькая, мне подарили «поляроид». Этим аппаратом я пользовалась больше всего. Какое удовольствие!

— Странно, что вы мне об этом рассказываете, — отозвался дон Элемирио, явно очень взволнованный. — Моя мать фотографировала меня «поляроидом». Она давала мне вынуть снимок, выползавший из аппарата, и мы вместе смотрели, как появляется изображение. Я не знаю ничего таинственнее этого перехода от небытия к образу. В ожидании я весь дрожал: на фотографии кто-то появлялся. Я наблюдал материализацию католического учения о лимбе. Детское лицо, обретавшее черты, — это я выходил из лимба.

— «Поляроид» на службе христианских догм — как это на вас похоже. А «хассельблад» — какую

догму иллюстрирует он?

— Бессмертие души, — ответил дон Элемирио как нечто само собой разумеющееся. — И воскресение тел.

Сатурнина проснулась среди ночи. Как она могла выслушать такие слова и не отреагировать? Теперь ее разум закипел. Она была не в силах ждать часа ужина, чтобы задать вопрос дону Элемирио.

«В конце концов, я знаю, где его комната, — подумала она. — Что мне мешает туда пойти? Будь это другой человек, я бы испугалась, что он воспользуется ситуацией. Но на него это как будто непохоже».

План представлялся небезопасным, но она была уверена, что до утра сойдет с ума, если не попытает счастья. Игра стоила свеч. Сатурнина набросила кимоно поверх ночной рубашки и пошла по темным коридорам. Ее сердце отчаянно колотилось, когда она вступила в апартаменты испанца.

Он спал на спине, сложив на груди руки. В этой позе усопшего лицо выглядело особенно безмятежным. Рот не был открыт, и поэтому сон не придавал ему глупого выражения, свойственного спящим. Впервые Сатурнина подумала, что он

красив. Но она пришла сюда не для того, чтобы умиляться, и без церемоний разбудила его.

Он зажег свет и сел в постели. Она увидела, что на нем белая ночная сорочка, в каких спали мужчины былых времен.

Ошарашенно моргая, он посмотрел на стенные часы.

— Что вы делаете в моей комнате в два часа ночи? Вы знаете, что, будь на моем месте любой другой мужчина, вы подвергли бы себя серьезной опасности?

— С вами, думается мне, я подвергаю себя иной опасности. Вчера за столом вы говорили о воскресении тел. Значит ли это, что в раю человек воскресает в теле своей юности?

— Вы будите меня среди ночи, чтобы поговорить о христианских догмах?

— Ответьте.

— Да, можно и так сказать.

— Однако, чтобы воскреснуть, надо умереть?

— Конечно.

Сатурнина опустилась в кресло и вздохнула:

— Так вы признаете, что эти восемь женщин мертвы?

— Разве я это скрывал?

— Это не было сказано напрямую. Мы ведь

говорили об исчезновениях.

— Если бы вы задали мне вопрос, я бы вам ответил.

Сатурнина подняла большой нож для мяса, который предусмотрительно захватила из кухни.

— Не выкладывайте всю правду, иначе я без колебаний пущу его в ход.

— Надо же, какая оригиналка! Обычно людям угрожают оружием, чтобы заставить их говорить. Вы же — наоборот. Но если вы ничего не хотели знать, то зачем разбудили меня в два часа ночи?

— Я хотела знать, мертвы ли эти женщины.

— Вы, кажется, очень опечалены. На что вы надеялись?

— Я надеялась, что они увидели в запретной комнате нечто такое, чего не смогли вынести. Я надеялась, что по этой причине они предпочли исчезнуть.

— В том, что вы говорите, есть доля правды.

— Но не вся правда, не так ли?

— В самом деле.

Сатурнина прижала руки к лицу. Прикосновение лезвия к щеке вернуло ее к мрачной действительности.

— Значит, вы не невиновны.

— Вам бы хотелось, чтобы я был невиновен?

Благодарю вас.

Он обворожительно улыбнулся. Сатурнина возненавидела его за это.

— Вы еще можете быть невиновны при одном условии — если эти женщины покончили жизнь самоубийством.

— Самоубийство — преступление! — возмутился дон Элемирио.

— Возможно. Но не ваше.

— Я не позволю вам обвинять в преступлении этих женщин, которых я любил и продолжаю любить.

— Как вы их защищаете! Это вам очень идет, — поморщилась Сатурнина.

— Спасти репутацию женщин, которых убил, — это вопрос принципа. Ведь это из-за меня они не могут оправдаться сами.

— Я так хотела, чтобы вы не были убийцей. Я идиотка в духе сегодняшних веяний. Недавно вышел мировой бестселлер, в котором утверждается, что вампиры бывают добрыми и невинными. Для людей теперь нет большей радости, чем когда им пытаются внушить, будто зла не существует. Нет-нет, злодеи — не настоящие злодеи, их тоже влечет к добру. Как же мы опустились, какими стали кретинами, если все это глотаем да еще и

восторгаемся этими дебильными теориями? И я чуть было не купилась, как все.

— У вас, по крайней мере, был благородный мотив для такого заблуждения.

— Вы это называете благородным мотивом? — гневно фыркнула она.

— Любить кого-то — это всегда благородно.

— Хватит нести вздор!

— Можно любить зло, вот и все.

— Замолчите! — крикнула она, взмахнув ножом.

— Вообще-то утверждать, что я зло, — это преувеличение.

Сатурнина подошла вплотную к кровати и приставила острие ножа к его горлу.

— Я приказываю вам замолчать!

— Моя ли вина, что ваше поведение до такой степени меня возбуждает?

— Отвечайте, только когда я вас спрашиваю, и ни слова больше.

— Что вы хотите знать, а относительно чего предпочитаете оставаться в неведении?

Чтобы доказать ему, что она не шутит, молодая женщина царапнула ему висок и показала кровь на лезвии ножа. Дон Элемирио завороженно ахнул:

— Кармин с серебром: второе сочетание цветов в ряду моих предпочтений.

Рассерженная Сатурнина села на кровать, не выпуская из рук ножа с пятнышком крови.

— Как будто вы лишили меня девственности, — заметил он.

— Вы лжете. Вы не убивали их. Вы на это не способны.

— Убить способны все.

— Вы никогда не видели крови на лезвии ножа, это ясно.

— Повредить их я не мог. Для фотографии они были нужны мне в целости и сохранности.

— Вы фотографировали их мертвыми?

— Фотографировать живую слишком трудно — все время движется.

— Так вот почему долгая выдержка «хассельблада» не была вам помехой.

— Вот видите, для всех технических трудностей есть решение!

Сатурнина нахмурила брови, постукивая лезвием ножа по белым льняным простыням.

— Какой интерес фотографировать мертвую?

— Роль искусства — дополнять природу, а роль природы — подражать искусству. Смерть — функция, которую природа изобрела с целью

подражания фотографии. А люди изобрели фотографию, чтобы поймать этот великолепный стоп-кадр, каковым является момент кончины. Впору задуматься, какой смысл могла иметь смерть до Нисефора Ньепса.[10]

— Я понимаю, почему не хотела слышать ваших признаний. Вы делаете их с таким самодовольством! Как вы их убили?

— В темной комнате есть механизм, который надо заблокировать перед тем, как войти. Если его не заблокировать, дверь захлопнется и автоматически запустится компрессор, понижающий температуру в помещении до минус пяти градусов.

— Они умерли от холода! Вы чудовищно жестоки.

— Убийство — акт малоприятный. Мне очень жаль. Гипотермия оставляет сохранными тела.

— Какой нарциссизм! Карать смертью за то, что увидели ваши фотографии!

— Я нахожу куда большим нарциссизмом показывать свои фотографии.

— Вы хоть понимаете, какой пытке подвергли женщин, которых якобы любили? Что может

---

[10] Примечания: 10

Ньепс Жозеф Нисефор (1765–1833) — французский изобретатель, наиболее известен как первооткрыватель фотографии.

быть хуже смерти от холода?

— Эти женщины тоже уверяли, что любят меня. Разве можно нарушить тайну того, кого любишь? Да если даже и не любишь — разве тайна не заслуживает уважения?

— Вы его не заслуживаете.

— А моя тайна заслуживает. Как и любая тайна.

— Почему?

— Право на тайну неотъемлемо.

— Сколько громких слов в устах убийцы!

— Убийцей я поначалу не был. Я был лишь человеком, дорожившим своей тайной.

— Убийцей вы были уже тогда. Вы убили ваших родителей.

— Прекратите. Вы знаете, что я говорю правду. Я не убивал моих родителей.

— Уж если на то пошло, что это меняет?

— Это очень важно. Когда я предупредил Эмелину о моей тайне, я был чист. Мои слова заслуживали того, чтобы с ними считались. И потом, убить отца и мать — это было бы эстетической ошибкой.

Сатурнина вдавила острие ножа ему в горло, однако не поранив. Дон Элемирио спокойно ждал, когда она уберет нож, потом потер шею рукой.

— Я чуть не кончил, — вздохнул он. — Что же вы собираетесь делать?

— Ничего. Доносить на вас я не стану, потому что я не из таких. И я не уйду. Во-первых, потому что не боюсь. Во-вторых, потому что мое присутствие мешает вам взять другую квартиросъемщицу. Пока я живу здесь, ни одной женщине не грозит стать вашей жертвой.

— Я никогда больше не полюблю после вас!

— Вы особенно омерзительны, когда затрагиваете эту тему. Ни дать ни взять Генрих Восьмой!

— Как вы смеете сравнивать меня с этим мужланом Тюдором?

— Задайте себе вопрос, почему я смею. Что, по-вашему, вытекает из этого сравнения?

— Это в высшей степени несправедливо. Его мотивы до крайности вульгарны.

— Тогда как ваши столь аристократичны, не так ли?

— Я счастлив слышать это от вас.

— Вы мне отвратительны. Надеюсь, что, оставаясь в этом доме, я хорошенько подпорчу вам жизнь!

— Являясь ко мне в комнату среди ночи, почти голенькой под кимоно, и угрожая мне холодным оружием, вы мне жизнь не отравите, признаюсь

вам, как ни жаль.

Молодая женщина в гневе ретировалась, убрала на место нож и, налив себе в кухне стакан молока, выпила его залпом, еле сдерживая раздражение.

«Ужинать с человеком, которому приставила нож к горлу не далее как сегодня ночью, — в этом есть своя прелесть», — подумала Сатурнина, усаживаясь за плексигласовый стол.

— «Круг Гранд Кюве» брют, думается, сегодня будет в самый раз, — сказал дон Элемирио.

— Прекрасно. Вчера вечером мы не пили шампанского. Вы видели, каков был результат.

— А ведь я вам говорил, чтобы вы высказывали ваши желания.

— Я это и сделала. На другой лад.

— Мне безумно понравилось. Остаток ночи я спал как ангел.

Он наполнил фужеры, и они выпили за золото.

— Есть умиротворение, которое может дать только лучшее шампанское, — вздохнула Сатурнина.

— Вы нуждаетесь в умиротворении, бедная детка. Это очень кстати. Я приготовил самое умиротворяющее блюдо на свете: яичницу-болтунью.

— Опять яйца!

— Мы не ели их уже неделю. Я так одержим яйцами, что, дай мне волю, только их бы и ел. В двадцать лет я поставил эксперимент: решил две недели есть яйца *ad libitum*.[11] Шесть яиц в день ввергали меня в транс. Увы, пришлось прекратить через неделю: на лице высыпали красные аллергические пятна.

Он поставил на стол две глубокие тарелки с очень слабо поджаренной яичницей-болтуньей. Молодая женщина вынуждена была признать, что этот убийца — отменный кулинар.

— Почему вы все делаете наперекосяк?

— Как это?

— В двадцать лет, вместо того чтобы бегать за девушками, вы обжираетесь яйцами. Став взрослым, замораживаете женщин, чтобы сфотографировать.

— Вы все донельзя упрощаете. Хотя в чем-то вы правы, мне бы следовало бегать за девушками в юности. Но это, знаете, было нелегко. Иной раз я пытался заговорить на улице с очаровательными созданиями. Я представлялся — и они уже смеялись. Чтобы не предлагать им сразу пойти ко мне

---

[11] Примечания: 11
По желанию *(лат.)*.

домой, я приглашал их на мессу: это казалось мне уместнее. Они разворачивались и уходили.

— А вы не бывали на праздниках, на вечеринках?

— Бывал. Это было ужасно. Чудовищный шум из колонок. Через полчаса приходилось уносить ноги. Я никогда не понимал, как люди могут выносить этот грохот. Короче говоря, девственность я потерял в двадцать шесть лет милостью квартиросъемщицы.

— Эмелины, если я правильно помню.

— Да. Эмелина, жемчужина Запада.

Сатурнина отпила глоток «Круга» и сказала:

— В то время вы еще не сделали ни одной фотографии. В темной комнате, стало быть, не крылось никакой тайны. Почему вы убили Эмелину?

— Темная комната содержала тогда абсолютную тайну. Эмелина обнаружила ее и потому умерла.

— Значит, в темной комнате есть еще что-то, кроме восьми фотографий.

— Нет.

— Я не понимаю.

— Когда Эмелина поселилась здесь, я безумно в нее влюбился. Мне было незнакомо это состояние, столь неистовое, что меня сотрясали

спазмы. Я нуждался в уединении. В доме была эта пустая комната, стены которой и дверь изнутри я выкрасил в черный цвет. Я стал закрываться там, зажигая лишь одну лампочку. Я был нигде, я создал небытие. Я сразу понял, что не должен ни с кем делиться этим открытием, и установил автоматический запор с криогенным механизмом, будучи уверен, что он никогда не заработает. Прискорбная ошибка. Едва я предупредил Эмелину о тайне, как она ее нарушила.

— А почему нельзя было ни с кем поделиться этим открытием?

— Потому что таково было мое желание.

— Почему?

— Для желания нет вопроса «почему».

— Но Эмелина была женщиной, которую вы любили.

— Была и остается ею.

— Допустим. Эта темная комната доставляла вам удовольствие. Разве не хочется разделить свои удовольствия с тем, кого любишь?

— Не все.

— Еще раз допустим. Но карать ослушницу смертью!

— Повторяю: устанавливая смертельное устройство, я был уверен, что оно ни разу не

запустится.

— Судя по всему, вы ошиблись. Механизм убил восемь раз. Одного было бы достаточно, чтобы вы усомнились в его полезности.

— Я понимаю, что вы хотите сказать.

— Тем не менее ответьте на вопрос.

— Я не мог отказаться от этого смертельного устройства, ибо в нем слишком нуждалось мое удовольствие. Эта необходимость небезобидна. Когда принимаешь себя со всем, что ты есть, не отрекаешься и от абсолютного монарха. Все мое существо, в том числе и живущий во мне деспот, по-прежнему, как и раньше, любит Эмелину. Я даже прекрасно понимаю, каким образом, будучи тираном, я становлюсь великим влюбленным.

— Вплоть до убийства?

— Никто не принуждал их ходить в темную комнату.

— Вернемся к первому разу. Расскажите мне, когда и как вы обнаружили, что Эмелина мертва?

— Это было воскресным утром. Я вернулся с мессы, душа парила. Я хотел, как и каждое воскресенье, разбудить Эмелину поцелуями, но постель была пуста. Я позвал ее. Никакого ответа. Тогда я решил, что она куда-то вышла, и улегся на кровать с «Ars magna» Луллия. Лично я пред-

почитаю читать его на латыни. Увы, по-арабски я не читаю. Его каталанский великолепен, но я тот каталонец, что предпочел быть испанцем, поэтому у меня трудности с прекрасным каталанским языком. «Ars magna» — одна из моих любимых книг. Нет другого текста, который был бы до такой степени на «ты» с высоким. Кант написал «Трактат о высоком» — название грандиозное, но ожиданий оно не оправдывает. Луллий же имеет смелость говорить об этом прямо и так естественно, ведомый алхимией, которая, я не устану это повторять, является величайшей мистической находкой всех времен. Короче говоря, в Луллия я погрузился на целых пять часов.

Закрыв глаза, Сатурнина сказала:

— Если я правильно понимаю, вы могли бы спасти Эмелину. При минус пяти градусах человеческое тело, одетое в ночную рубашку, погибает не сразу. Если бы, вместо того чтобы читать Луллия, вы отправились на поиски, то могли бы ее освободить. Тогда как после пяти часов чтения Эмелина оказалась мертва.

— Это правда. Я слишком уважал мою женщину, чтобы заподозрить с ее стороны столь грубую ошибку. Было около часа дня, когда голод оторвал меня от Луллия. Отсутствие Эмелины вдруг

встревожило меня. Я обыскал весь дом и только тогда подумал о темной комнате. Открыв дверь, я увидел на полу ее труп. Я вскрикнул от ужаса и отчаяния. Взял ее на руки и отнес на кровать. Несомненно, она была мертва: тело Эмелины уже являло признаки трупного окоченения. А может быть, оно просто заморозилось. Я никогда не видел ее такой красивой, должен это признать. Снять с тела ночную рубашку оказалось нетрудно. Однако из-за жесткости и неподвижности ее членов мне пришлось помучиться, когда я надевал на нее платье цвета дня, которое сшил для нее. Потом я сходил за «хассельбладом» — и сделал первую в своей жизни фотографию. Нельзя не признать, это был шедевр. Красота Эмелины на портрете превосходит самое смелое воображение. Сделав такую фотографию, сожалеть не о чем, какова бы ни была цена. Я повесил ее на стену в темной комнате, которая отныне перестала быть местом моего тайного небытия, но где я продолжал частенько уединяться, чтобы любить Эмелину.

— Со всеми оговорками эту смерть все же можно считать несчастным случаем.

— Я ее таковым не считаю. Равно как и другие смерти, которые за ней последовали.

— Расскажите мне.

— Я рад, что вы больше не отказываетесь слушать мой рассказ. Через полтора года после смерти Эмелины я вновь ощутил потребность в женщине. Я дал объявление, и среди претенденток оказалась Прозерпина. Непостижимое свершилось: я влюбился в нее и она в меня. Она поселилась здесь, в вашей комнате; две недели спустя она разделила со мной постель.

— И вы не отключили криогенное устройство в темной комнате?

— Нет.

— Но ведь вы же знали теперь, что оно представляет реальную угрозу.

— Я по натуре великодушен: ошибка одной женщины не заставила меня поверить, что все женщины таковы.

— Великодушны? Я бы употребила другое слово. Назовем вас скорее последователем Аристотеля. Одна ласточка не делает весны.

— Мне нравится, что вы считаете меня последователем Аристотеля. Я тщеславен?

— Не знаю. Я хотела бы знать другое: сколько же ласточек вам нужно, чтобы объявить весну?

— Там будет видно.

— Сколько времени в среднем продолжались

ваши идиллии до смертельного нарушения запрета?

— Правила тут нет. Ни разу больше полугода, ни разу меньше трех недель. Иные женщины нетерпеливее других.

— Три недели. Срок коротковат для безумной любви.

— Полгода тоже. Когда переживаешь безумную любовь, срок всегда слишком краток. Я мог бы во всех подробностях рассказать о восьми неделях с Прозерпиной, но боюсь вам наскучить. Любовь интересна лишь тем, кто ее испытывает; для других же — какое занудство!

— За восемнадцать лет — восемь женщин.

— Девять: есть еще вы. Пока живая.

— С вашего разрешения, обо мне мы поговорим позже. Итак, женщин было восемь. Много лет, и много женщин, и много смертей. Вы ни разу не усомнились в обоснованности вашей системы?

— Нет.

— Это выше моего понимания. Когда факты опровергают теорию, ее ставят под сомнение.

— Факты не опровергли мою теорию. Оттого, что все совершают одну ошибку, эта ошибка не становится менее тяжкой.

— Но это не значит, что тех, кто ее совершает,

надо ликвидировать. Странный вы католик.

— В глазах Церкви мое поведение не подлежит защите.

— Да? И вы его не меняете?

— Я в тупике.

— Что вам мешает отключить убийственное устройство?

— Недостаток убежденности.

— И сколько женщин вам надо истребить, чтобы достичь этой убежденности?

Дон Элемирио расхохотался и ответил:

— Вы сами должны бы это знать.

— Ваши загадки меня бесят.

— У вас очень скверный характер, как у всех, кто боится.

— Ответьте на мой вопрос.

— Не больше девяти.

— Я вам не верю. Ручаюсь, каждый раз вы думали, что это — последний.

— Нет. У меня никогда не было такой уверенности. А вот с вами — есть.

— Вы правда думаете, что никого больше не полюбите после меня?

— Я не думаю. Я знаю.

— Почему?

— Ответив, я нанес бы оскорбление вашему

уму. У вас в руках все элементы, чтобы доказать эту теорему. На сей раз я удалюсь в свои апартаменты первым. Чтобы дать вам подумать.

Допив в одиночестве бутылку шампанского и попытавшись привести в порядок мысли, Сатурнина с печальным вздохом направилась в библиотеку. «У меня есть загадка, есть, по словам убийцы, все, чтобы ее разгадать, мне не хватает метода. Не будем уподобляться Эдипу, предоставим дело случаю». Не думая больше ни о чем, она зажмурилась и наугад выбрала книгу.

Открыла глаза и увидела: «Библия. Конечно же. Но как выбрать нужный пассаж между Книгой Бытия и Апокалипсисом?»

Она уронила книгу и, сев на пол, прочла открывшуюся страницу. Это оказалось начало Песни песней:

> Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина.
>
> От благовония мастей твоих имя твое, как разлитое миро; поэтому девицы любят тебя.
>
> Влеки меня, мы побежим за тобою; —

царь ввел меня в чертоги свои…[12]

Это было прекрасно. Дрожь пробежала по телу Сатурнины. «Прекрасно, да, но ничем мне не поможет». Эта мысль возмутила ее. «Если прекрасно, то поможет! О чем говорит этот текст яснее ясного? Что надо радоваться, праздновать, предаваться любви, пить вино. Ну же! Надо подумать головой испанца. Что он празднует? Чему радуется? Каково его благоухание? Его упоение?»

Ответа она так и не нашла. «Это потому, что я ищу. Когда ищешь, ничего не найдешь. Но я хотя бы смогла сформулировать вопрос».

Сатурнина поднялась к себе, легла и тотчас уснула.

На следующий день она решила сосредоточиться на каждом из своих дел. Зубы чистила добросовестно. Лекции читала вдохновенно. Села в парижское метро на линии 8 и вышла на станции «Тур-Мобур», которая тоже удостоилась ее внимания.

Она шла по тротуару и, обогнув мусорный бак, заставила себя вдохнуть все его многообразные запахи. Проходя мимо скамейки в сквере, самым

---

[12] Примечания: 12
Песнь песней Соломона, 1:1–3.

беспристрастным образом подумала: «Что мне мешает сесть на эту скамейку и ждать смерти?» Потом заключила, что и вправду умрет, так и не найдя ответа на этот основополагающий вопрос.

В ту минуту, когда она входила во двор особняка Нибаль-и-Милькаров, разгадка вдруг осенила ее. Сатурнина застыла на месте и произнесла вслух с широкой улыбкой: «Ну конечно. Это же проще простого».

— Я надеялся увидеть вас сегодня ночью. Но вы не пришли.

— Надо уметь обновляться.

— Вот почему я выбрал «Кристал-Рёдерер». Сатурнина подняла глаза и посмотрела на бутылку.

— Это прекраснейшая из бутылок шампанского. Невероятно удачный осмос хрусталя и золота.

— Как я прав, что люблю вас!

— Каждый раз, проходя мимо скамейки в сквере, я спрашиваю себя, что мне мешает сесть на нее и ждать смерти.

— Чудный вопрос. Каков же ответ?

— Еще не знаю. Нельзя найти ответы на все вопросы.

Она улыбнулась. Он вытаращил глаза.

— Откупорите вы ее наконец, эту бутылку?

— Простите.

Раздался прекраснейший в мире звук: бутылка «Кристал-Рёдерера» лишилась пробки. Дон Элемирио наполнил фужеры, и они выпили за золото.

— Как я узнаю, что вы в самом деле разгадали загадку? — спросил он.

— Если я вам скажу: семь плюс два равняется девяти, вас это убедит?

Он улыбнулся:

— Да.

— Цифры сначала заслонили от меня истину. Располагай я в условии цифрой семь, сообразила бы гораздо быстрее. Семь плюс два — это было не так легко.

— Я слушаю вас, — сказал дон Элемирио.

— Семь — это спектр. Да, но вы убили восемь женщин, и может быть, скоро будет девять, если включить в их число меня. Я забыла, что в нашей действительности на двух концах спектра есть черный и белый: абсолютное отсутствие или присутствие того, что составляет наивысшее удовольствие для вас, — красок.

— De gustibus et coloribus non disputandum.[13]

---

[13] Примечания: 13

О вкусах и цветах не спорят *(лат).*

— Нет, давайте как раз о них и поговорим. Цвет — что это такое? Ощущение, порожденное излучениями света. Можно жить и без цветов: некоторые дальтоники различают только черный и белый, но при этом информированы об окружающем мире не хуже других. Однако они лишены главнейшей радости. Цвет — не символ удовольствия, он и есть высшее удовольствие. Это настолько верно, что по-японски «цвет» может быть синонимом «любви».

— Я этого не знал. Красиво.

— Блаженство любви похоже на то, что испытывает каждый при виде своего любимого цвета. Если бы я лучше запомнила ваш рассказ об одежках, которые вы создавали для каждой из ваших женщин, то могла бы, как в игре Клуэдо,[14] присвоить цвет каждому имени. Припоминаю голубую накидку, белую блузку и пурпурные перчатки. Был еще, кажется, жакет цвета пламени, надо полагать, соответствующий оранжевому. Как бы то ни было, желтый — это я.

— Уточним, что эти девять оттенков весьма изощренны. Я выбирал для каждой самый пронзительный нюанс. Желтый может быть самым

---

[14] Примечания: 14
Настольная игра детективного жанра.

безобразным на свете тоном. Для вас я создал асимптотический желтый, в несказанном великолепии которого вы могли убедиться. Да, вы — желтый, и не случайно именно вы пришли под конец: это цвет метафизический по определению. Противопоставление черного и желтого — максимальный физиологический контраст для сетчатки человеческого глаза.

— Это еще и тот цвет спектра, что соответствует золоту.

— Алхимики это поняли.

— А также то, что содержит жизнь в яйце — одной из ваших фиксаций.

— Мне снилось яйцо с желтком из золота. Вообразите себе этот сон: варишь его всмятку и макаешь кусочек хлеба в расплавленное золото.

— Надо же, с каким экстазом вы об этом говорите! Мало людей так реагируют на цвета, как вы. Для вас любить девять женщин вполне логично. Это ваш путь к целостности. Если вы меня убьете и сфотографируете в юбке, которую мне подарили, ваша темная комната будет полной палитрой. Как коллекционер вы достигнете вершины.

— Я долго так думал. Но теперь уже не думаю. Пережив за эти восемнадцать лет череду идиллий и вдовств, я пришел к выводу, что вдовство

стоит идиллии. Когда проходит первый приступ печали, сожительство с мертвой возлюбленной не лишено прелести.

— Что вы называете сожительством с мертвой? Трупы все еще здесь?

— Нет, успокойтесь. Все они похоронены рядом с моими родителями на Шароннском кладбище. Есть у этого кладбища тайна, никто за ним не наблюдает. Но, возвращаясь к нашему разговору, в вас я чувствую исключение: быть может, потому, что вы — желтый цвет, вы много потеряете, умерев. Да, надо признать, некоторые из моих супруг нравятся мне больше покойными. Это, вероятно, связано с вибрациями разных цветов. Желтому пристало жить.

— Это очень кстати.

— Я был прав, сохранив убийственное устройство в темной комнате, поскольку есть на свете женщина, уважающая чужие тайны.

— Прекрасно. Вы отыскали редкую жемчужину. Может быть, теперь можно его уничтожить, это устройство?

— Зачем?

— Простая предосторожность.

— Понимаю, куда вы клоните. Вы считаете меня безумцем, которого необходимо обезвредить.

— Думать так о человеке, убившем восемь женщин по хроматическим мотивам, было бы поспешным суждением.

— Я не безумец. Я человек, влюбленный в абсолют, девять раз столкнувшийся с ужаснейшим вопросом: где проходит граница между любимой и самим собой?

— Вопрос, на который вы дали восемь ответов, на мой вкус слишком безапелляционных.

— Но девятый ответ будет верным.

— Вы его знаете?

— Нет. Его мне дадите вы.

— Вы меня переоцениваете.

— Я просто даю вам случай блеснуть.

— Мой бокал пуст.

Он налил ей «Кристал-Рёдерера». Сатурнина полюбовалась золотом и выпила его.

— Шампанское помогает думать, — сказала она. — Прошлой ночью вы оставили меня наедине с загадкой. Первым делом я допила бутылку «Круга». Она дала мне хороший совет: в вашей библиотеке я взяла наугад книгу с полки и попала на Библию.

Я уронила ее на пол — она открылась на первых строках Песни песней.

— В самом деле?

— Эти несколько строф мне изрядно помогли. Это приглашение к празднику, к радости и веселью. Вот тогда-то я и спросила себя: а каков ваш праздник? Наконец-то верный вопрос.

— А приглашения к любви в этих строфах вы разве не заметили?

Сатурнина проигнорировала намек и продолжала:

— Что я поняла из этих строф — что любая система стремится к вершине удовольствия и выстраивается в соответствии с ним. Возможно, все варианты вселенной сходятся в точке единого наслаждения, силу которого мы даже не можем себе вообразить. Это верно также и на индивидуальном уровне. Все живое стремится к максимальному наслаждению.

— Каково же ваше?

— Простите, что я могла счесть вас убийцей ваших родителей. Я плохо вас знала: это не укладывалось в вашу хроматическую схему. Я просто еще не постигла ваш образ мысли и глупым образом споткнулась о неправдоподобные обстоятельства их кончины — лопнули! С тех пор я поняла, что неправдоподобие — спутник правды. Люди и лгут в первую очередь из-за этого. А вы-то как раз никогда не лжете. Вот почему три

четверти того, что вы говорите, до такой степени не укладывается в голове.

— Почему вы уклоняетесь всякий раз, когда я говорю о вашей любви ко мне?

— А что, если вы впервые в жизни сфотографируете живую женщину?

Дон Элемирио побледнел, что утвердило Сатурнину в верности ее плана. Она не дала ему возразить:

— Пока вы сходите за вашим «хассельбладом», я побегу надену юбку.

Она кинулась в свою комнату. Подкладка юбки коснулась ее ног с упоительной нежностью. Когда она вышла к дону Элемирио, он показал ей «хассельблад».

— Мне страшно, боюсь, я не способен на это.

— Страх — неотъемлемая часть удовольствия.

Он привел ее в будуар, в колорите которого — цвет засахаренных каштанов — не тускнело сияние юбки. Она позировала, стоя на софе, чтобы золото ткани заполонило кадр.

Он лег на пол, сказал, что ее лицо как будто расцветает, вылупившись из юбки, и нажал на кнопку спуска.

Вспышку они едва заметили — так оба пылали от наслаждения.

— Вот, — промолвил он.

— Вы шутите! Не удовольствуемся же мы одной-единственной фотографией!

— Так я делаю всегда.

— С мертвыми женщинами. С живой нужно испробовать все позы.

— В таком случае не сходить ли мне за бутылкой «Кристал-Рёдерера»? Нам понадобится горючее.

Она согласилась. Шампанское для фотографии — что порох для войны.

Сатурнина выложилась до донышка. Не выпуская из рук бокала и не забывая регулярно его наполнять, она была горгоной, тамплиером конца века, марсианской пагодой, карфагенским идолом, суккубом, Парвати, Аматэрасу, Марией-Магдалиной, Лилит, Кровавой Графиней Елизаветой Батори, межгалактической пчеловодкой. Он же подбирал для каждого воплощения кадр, контрасты и свет.

Опыт ошеломил их. До сих пор Сатурнину фотографировали лишь за семейной воскресной трапезой, а дон Элемирио имел дело только с послушными покойницами. Новизна занятия возбудила их, точно девственников. Каждый подарил другому нечто неизведанное.

Чем больше он ее фотографировал, тем сильнее

она ощущала, как приливает к самой поверхности кожи брызжущая залпами энергия. Он снимал на пленку, так что сеанс не был испорчен немедленным результатом: творчеству необходима тайна ожидания. Созидая, лучше не отвергать время.

Когда бутылка опустела, Сатурнина заявила, что идет спать. Она покинула его внезапно, но иначе не могла: то, что связало их, было слишком сильно, чтобы привести к какому-либо возможному эпилогу.

Вернувшись на следующий день из Школы Лувра, молодая женщина нашла у себя на кровати разложенные в ряд вчерашние фотографии.

Их было не меньше пятидесяти, одна другой изумительнее: казалось, позировали полсотни разных моделей. «Не знала, что я так мозаична», — подумалось ей. Как это чудесно — быть не другой, но пятьюдесятью другими! Даже снимки, на которых она была запечатлена не самым выгодным образом, привели ее в восторг. Все, что испанец в ней уловил, существовало, безобразное и прекрасное, хрупкое и основательное.

Мелен позвал ужинать. Дон Элемирио ждал ее перед пирамидой из лангустинов.

— Спасибо за фотографии, — сказала она.

— Это я должен вас благодарить. Я никогда не переживал ничего подобного. Какую вы предпочитаете?

— Никакую. Мне нравится видеть их все вместе.

Он откупорил бутылку «Круга Кло дю Мениль» 1843 года. Будучи человеком отменного вкуса, он не уточнил, что это самое дорогое шампанское в мире. Впрочем, он сам об этом забыл.

— Какую из фотографий мы с вами выберем для темной комнаты? — спросил он.

— А надо ли, в самом деле, помещать одну из фотографий в эту комнату? — отозвалась она, пригубив божественный нектар.

— Конечно. Иначе недостает одного цвета.

— Может быть, и нужно, чтобы его недоставало.

— Что за вздор? Это было бы эстетической ошибкой.

— Я в этом не уверена.

— Идемте, посмотрите.

Дон Элемирио подвел Сатурнину к черной двери. Не преминув убедиться, что он заблокировал криогенное устройство, она последовала за ним внутрь.

Войти в гробницу Тутанхамона ей было бы

не так жутко. Одна лампочка освещала восемь портретов, развешанных на черных стенах. Свободное место было оставлено для девятого. От этой пустоты Сатурнину пробрала дрожь; она явственно ощутила все восемь агоний, имевших место в этой комнате, и глубоко вздохнула.

— Представьте меня, — хладнокровно проговорила она.

Очарованный этой просьбой, дон Элемирио склонился по очереди перед каждой фотографией.

— Эмелина, возлюбленная моя, вот Сатурнина, женщина, которую я люблю. Прозерпина, возлюбленная моя, вот Сатурнина, женщина, которую я люблю. Северина…

Та, что была жива, долго смотрела на портреты. Фотографии чересчур удались, и это значило, что здесь что-то не так. Маленькая деталька, которая звалась смертью. Прекрасные женские лица застыли, покрытые крепчайшим лаком, от которого так и веяло жутью.

Нельзя было не понять, что эти женщины мертвы, более того, не подлежало сомнению, что они были убиты.

— Вы слышите, что они говорят? — спросила Сатурнина. — Этот голос идет от всех восьми

портретов, он повторяет одну и ту же фразу: «Любовь моя, как вы могли не прийти и не спасти меня?»

— Вы ничего не сказали о цветах. Вы не находите, что они необычайно насыщенны? Цвет — аристократическая частица каждой. А вот ваше место, — добавил он, указав на незанятый кусок стены.

— Живая среди фотографий умерших? И думать забудьте!

— Мне нужна моя желтая женщина! — взвился он. — Известно вам, как зовется цвет, чаще всего упоминающийся в Библии?

— Я не знаю.

— Это золото. Это вы, возлюбленная моя.

Сатурнина содрогнулась: он назвал ее так же, как умерших.

— Я не хочу, чтобы вы вешали мою фотографию здесь.

— Я обойдусь без вашего разрешения. Палитра должна быть полной.

— Вам случается считаться с желаниями других?

— Позволю себе вам напомнить, что каждая из этих женщин пошла наперекор моему желанию.

Он, казалось, растерялся.

— Я, — продолжала она, — с вашим желанием считалась. Я дождалась, пока вы сами пригласили меня в темную комнату. Разве я вела себя не идеально?

— На то вы и золото.

— Так разве мое желание не заслуживает того, чтобы вы к нему прислушались?

— Я не понимаю, — вздохнул он. — Вам нравятся ваши фотографии, которые я сделал?

— Слишком нравятся, чтобы выставлять их в этом жутком месте.

— Жуткое? Это святилище любви?

— Скорее холодильник мясника.

Он рассмеялся, и от молодой женщины не ускользнули снисходительные нотки в этом смехе. Она поняла: стоит ей отвернуться, как он повесит ее портрет на загодя подготовленное место.

Сатурнина не колебалась ни секунды: одним прыжком она выскочила из комнаты, включила криогенное устройство и захлопнула дверь. Прислонившись к ней спиной снаружи, она ждала.

— Сатурнина? — донеслось до нее наконец.

— Я здесь, — ответила она, подумав, что впервые он назвал ее по имени.

— Дверь нельзя открыть изнутри.

— Я так и думала. Иначе ваши восемь женщин были бы живы.

— Вы не могли бы выпустить меня? Пожалуйста!

— При одном условии: если вы поклянетесь оставить пустым место для желтого цвета.

— Лгать я не способен. Я не могу дать такую клятву.

— Значит, вы выбираете смерть.

— Это как если бы вы принудили Бога отказаться от желтого цвета при сотворении радуги.

— Тем хуже для вас. Вы узнаете, каково умереть от холода.

— Вы не могли бы побыть здесь, пока я не отойду? Составить мне компанию.

— Об этом не может быть и речи. «Круг Кло дю Мениль» выдохнется. Я с удовольствием допью его без вас.

— Сатурнина!

Она почувствовала, что он тоже прислонился спиной к двери. Только два сантиметра дерева разделяли их тела.

— Вы не можете себе представить, какое наслаждение я испытал за эти десять дней, созерцая ваши тростникового цвета глаза.

Она ничего не ответила. Уходя, коснулась гу-

бами черной двери там, где к ней прижимался затылок обреченного.

Вопреки собственным словам, она не стала допивать «Круг», так как терпеть не могла пить одна. Но она унесла бутылку с собой в рюкзачке, а два фужера из толедского хрусталя сунула в карманы пальто.

Очутившись на улице Тур-Мобур, она решила пройтись, чтобы успокоиться. «Придется гулять всю ночь, иначе я не удержусь и вернусь, чтобы выпустить испанца», — сказала она себе. Было холодно, однако все же не так, как в темной комнате в этот час. Из солидарности со своей жертвой она поежилась.

Клошару, спросившему, почему у нее такой грустный вид, она ответила:

— Это потому, что меня зовут Сатурниной.

И, будучи не из тех, кто поддается унынию, позвонила с сотового телефона Коринне:

— Ночь на улице в компании со мной и лучшее коллекционное шампанское — как тебе такое предложение?

— Уже еду.

У станции метро Сатурнина увидела скамейку и присела на нее, чтобы подождать подругу. Перед ней высился Дом инвалидов, купол которого

недавно позолотили. Идеально освещенный, он ослепительно сиял. У молодой женщины было достаточно времени, чтобы полюбоваться этим великолепием.

В тот самый миг, когда дон Элемирио умер, Сатурнина обратилась в золото.